

ЛЮДМИЛА ЗАКАЛЮЖНАЯ

ИСКРА ПРОШЛОГО

Людмила Закалюжная

Искра прошлого

<https://litres.ru/74398728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тот, кого я любила, приговорил меня к смерти за преступление, которого я не совершала. Но древний артефакт вернул меня в прошлое, когда заговор еще зрел в тени, а враги казались друзьями. У меня есть только одна попытка: спасти отца, восстановить честь семьи, разоблачить предателей. И свести счеты с тем, кому когда-то верила. Теперь я иду дорогой мести. Главное - не сбиться с пути!

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Людмила Закалюжная

Искра прошлого

Глава

Пролог

Меня сожгут завтра на рассвете.

Я сидела на ледяном полу камеры, прижимая колени к груди, и пыталась понять, в какой именно момент моя жизнь пошла под откос. Шерстяные чулки и платье не спасали от пронизывающего холода. Никто не думал о смертнице. Мерзнет? Не жалко.

Сквозь решетку окна пробивался тусклый утренний свет — ровно столько, чтобы разглядеть надпись на стене, которую оставил предыдущий узник: «Творец простит, люди — нет». Я горько усмехнулась. Правда заключалась в том, что людям было все равно, простит ли Творец. Им нужен был виноватый. И вот я — ведьма, отцеубийца, удобная жертва.

Все началось не со взрыва в мастерской отца, и не с того дня, когда мой жених предал меня. Все началось с того самого письма, скрепленного печатью в виде феникса, несущего в когтях меч. Отец получил его за неделю до смерти. Помню, как он побледнел, прочитав его, и сразу ушел в кабинет, запершись до вечера. А к ужину вышел молчаливым

и подавленным. «В страшное время мы живем, Алиса. Надо бы попробовать все остановить». А потом папы... не стало.

Теперь я сидела в этой камере, обвиненная в его убийстве и в колдовстве. А все почему? Слишком близко подобралась к Ордену Черного Феникса. Три года я пыталась обнаружить хоть малейшую зацепку, ниточку, которая могла бы привести меня к убийце. Нашла. И за это меня решили устранить.

Перед глазами, словно проклятие, встало лицо Максима Воронцова. Глаза... зеленые, как трава после дождя, когда-то сводившие меня с ума, теперь смотрели холодно. Я так нуждалась в нем... в его поддержке после смерти папы, но Максим внезапно оборвал нашу связь, а после прислал письмо с отказом от свадьбы. Его предательство почти сломило. Оно было подобно шторму, который ударил в грудь изо всей силы, выбив последние остатки воздуха из легких. Рана в сердце пылала, сжигая остатки любви, и я спрятала его в ледяной крепости, чтобы больше никто не причинил мне боли.

Кабинет прокурора Воронцова пробирал до дрожи мрачной обстановкой: решетки на окнах не прятались за черными шторами. На стене, между шкафами с папками, помеченными «Секретно», висел портрет императора. Его нарисованные глаза следили за каждым посетителем. Ковер под ногами с орнаментом в виде пламени словно напоминал, что меня ждало.

Максим Сергеевич сидел за дубовым столом. Его темные

волосы были идеально уложены. Мужественное лицо с прямым носом и упрямым подбородком, тонкие губы недовольно поджаты. Глаза смотрели холодно и отчужденно, словно никогда не было между нами поцелуев, душевных разговоров. Теперь же я презирала Воронцова больше всего на свете.

Прокурор был в черном костюме с серебряными пуговицами, на которых был вытеснен герб страны — двуглавый орел. Пальцы Максима в кожаных перчатках перебирали мое дело.

— Алиса Арсеньевна Горская, двадцать один года, обвиняется в отцеубийстве и черной магии... — его бархатный голос звучал приятно и глубоко. — Признаете ли вы, что пятнадцатого числа, во время полнолуния...

Я молчала. Слюна стала горькой, язык прилип к небу. Все было бесполезно. Бывший возлюбленный вызывал меня на допрос каждый день, задавал одни и те же вопросы. Пока я могла отрицать убийство — отрицала, но голод и холодная камера сделали свое дело. Вскоре мне стало все равно. Хотелось, чтобы это поскорее закончилось. Я потеряла надежду на спасение. Смотрела на ритуальный нож с гравировкой феникса, который якобы нашли в мастерской. Нож был не стальной, а из какого-то темного, похожего на обсидиан камня. Материал не поддался огню, и гравировка феникса на нем была столь же четкой, как будто ее сделали вчера.

— Все улики указывают на вас, — Воронцов встал, и тень

от его высокой фигуры накрыла меня целиком. — Зачем вы убили купца Горского? Отвечайте!

В его глазах была ненависть...

...Дверь камеры скрипнула. В проеме возник тюремщик — плечистый, с лицом, изъеденным оспой. Его губы криво исказились в усмешке, и в этот миг я увидела за его спиной знакомую лысую макушку и круглые, навывкате, глаза.

— Григорий Львович! — ахнула я. Горло сдавило, и слезы полились градом. Подняться я не смогла, не было сил.

— У вас две минуты, — произнес тюремщик. Уходить он никуда не собирался, продолжал стоять с мерзкой улыбкой.

— Алиса, прости, что не смог сделать этого раньше, — папин друг ринулся ко мне, опустился на колени. Сжал мою ледяную ладонь. Я не сразу ощутила прохладный округлый предмет, который он вложил мне в руку. — Надень и не снимай.

— Что... это? — я сжала подарок и тут же почувствовала, как он согрел замерзшие пальцы.

— Это от Того, Кто в Тени. Он верит в тебя, как верил в свою сестру, — торопливо ответил Григорий Львович. — Поймешь. Потом все поймешь. Верь мне...

— Время! — рыкнул тюремщик.

Я зарыдала, вцепилась в рукав зимнего пальто. Отпускать папиного друга не хотелось. Впервые за несколько дней я увидела хоть кого-то близкого... кому была небезразлична моя судьба.

Григорий Львович резко поднялся, и мои руки безвольно упали на колени. Он снял пальто, укрыл меня и, прежде чем покинуть камеру, прошептал:

— Надень, так надо.

С резким звуком захлопнулась дверь, послышался скрип засова и глухие шаги. Только тогда я осмелилась разжать кулак. На моей ладони лежал необычный кулон, закрепленный на изящной золотой цепочке. Внутри прозрачного камня мерцал и медленно перетекал из одной части в другую золотистый песок. «Хуже не будет», — решила я и надела украшение. Тут же ощутила, как приятное тепло разлилось по телу, согревая.

Я опустилась на сырую солому, пропитавшуюся запахом плесени, магия кулона больше не давала замерзнуть. Глаза закрылись, и я уснула... Впервые — без кошмаров, без видений мертвого отца и сгоревшей мастерской.

На рассвете меня разбудил другой тюремщик. Он бросил мне серую сорочку из грубой ткани и велел переодеваться. Сам же остался стоять в дверях, безучастно следя за моими движениями. Я отвернулась. Мои руки тряслись, когда я расстегивала платье... Я боялась, что тюремщик увидит кулон и заберет его. Поэтому торопилась на собственную казнь.

К ведьмам не приходят священники, чтобы проводить их в последний путь. Ведьма — самая грешная женщина на свете. Она должна ответить за всю тьму, которую сеяла в этом мире. И смерть ее должна быть самой мучительной. Я ко-

гда-то верила, что ведьмы существуют, а закон не ошибается. А теперь... я сама ношу это клеймо, и меня собираются сжечь.

Охранник вывел меня во двор. Я не ощущала холода, внутри было слишком жарко от ужаса. Колени подкосились, когда я увидела телегу с клеткой. Если бы не цепкая рука охранника, я бы рухнула на землю.

— Иди, давай, — он толкнул меня в спину.

Сама я забраться внутрь не смогла. Еще один рывок — и сильная рука швырнула меня на грубый пол. Я больно ударилась, но сейчас... это было неважно. Меня сотрясала такая дрожь, что пришлось обхватить колени. Грязные длинные волосы скрыли мое лицо и тело от жадных взглядов толпы. Но я отлично слышала их крики, полные ненависти:

— Сжечь ведьму!

Все больше голосов подхватывали этот крик, и вот уже весь город скандировал: «Сжечь! Сжечь!» Люди жаждали моей смерти. Жаждали зрелища. Я сжималась все сильнее, желая просто исчезнуть, раствориться в холодном воздухе.

Телега остановилась на площади. Я подняла голову и, увидев в центре столб и хворост вокруг него, оцепенела. Тюремщик выволок меня за шкурку, буквально бросив на мерзлую землю. И тут толпа бешено взревела:

— Жгите ведьму! Жгите ведьму!

Затрясло сильнее. Идти я не могла. Просто застыла, не в силах отвести взгляда от места казни. Тогда двое тюремщи-

ков схватили меня под руки и потащили к палачу.

Моих запястий и щиколоток коснулся холодный металл цепей, когда меня приковывали к столбу. Я задышала чаще, паника накрыла с головой, и я попыталась вырваться из оков, но было поздно... слишком поздно.

— Я не убийца! — крикнула я, не в силах сдержать рыдания, когда палач поднес факел к хворосту.

Сухие ветви вспыхнули с треском, и я завизжала от ужаса, приводя толпу в восторг.

Жар подбирался к ногам. Пламя лизало подол... А мне некуда было деться.

— Творец! Помоги! — взмолилась я в небо, которое заволокло туманом и дымом. В легкие ворвался угар, отравляя.

Кулон вспыхнул, обжигая грудь. Я слышала крик — не свой, а тысячи голосов, сплетенных в один вой. Пламя не горело, а... пожирало меня, мою душу. Неожиданно — глухой, мощный удар, будто гигантский колокол ударил прямо внутри.

И мир взорвался.

Я больше не чувствовала своего тела. Не было ни рук, ни ног, прикованных к столбу. Была только огненная река, что несла мое сознание сквозь тьму к далекой точке света.

Крики людей, ледяной взгляд Воронцова — все растворилось, едва я ворвалась в ослепительную белизну. Наступила тишина. Я ничего не чувствовала, не думала, не вспоминала. Просто была одинокой искрой в бесконечном простран-

стве между мирами. Прошлое сгорело в пламени костра. Будущего не существовало.

Не знаю, сколько я так парила в полной пустоте, когда слышала... Стук. Стук. Стук. Это билось мое сердце. Внезапно пришло ощущение падения...

Я рухнула на колени, задышавшись. Открыла глаза. На мне оказалось темно-синее платье и пальто... новое, словно только вчера отец привез его из столицы. Вместо снега — мокрая брусчатка, холодная и твердая, усыпанная желтыми листьями. Вместо костра — карета, и из нее выглядывал обеспокоенный Григорий Львович. Вспомнив о кулоне, я подняла руку и прижала ладонь к груди, ощутив подарок.

— Алиса! — воскликнул папин друг. Он выскочил наружу и помог мне подняться. — Я только подъехал и сразу увидел тебя. Ты мне еще помахала рукой, а потом вдруг упала на ровном месте. У тебя все хорошо? Где Арсений? Ты такая бледная, девочка.

Я сделала шаг, совсем не понимая, что происходит. Вдохнула влажный воздух осени. Мир вдруг ожил голосами прохожих, ржанием лошадей, и я слышала смех — знакомый, родной смех.

— Папа? — прошептала я. Обернулась: ко мне приближался отец. Его лицо, его улыбка... Он был жив.

Глава 1

Колеса кареты мерно постукивали по булыжникам. Отец,

сидевший напротив, перебирал бумаги из потрепанной кожаной папки, которую передал ему Григорий Львович. Тот, поправив цилиндр, уехал по своим делам, когда моя истерика перешла во всхлипы и они с отцом быстренько засунули меня в карету, подальше от собиравшихся зевак.

Отец решил, что у меня горячка, когда я вцепилась в его плечи... там, на площади и как в бреду повторяла: «Папочка, ты жив. Жив!» Смеялась и плакала одновременно, как ненормальная.

Я прижалась лбом к холодному стеклу, а внутри все продолжало пылать. Кулон дарил приятное тепло, которое медленно растеклось по всему телу. Не сразу ко мне пришло осознание, что благодаря этому артефакту я выжила и перенеслась в прошлое. Но почему мне позволили вернуться? А если это вовсе не подарок судьбы? Если... ловушка Ордена? Моя рука дрожала, когда я дотронулась до своего лица. Кожа была гладкой, нежной, без единого намека на волдыри. Ничего. Я поводила пальцами по щеке, по лбу, убеждаясь снова и снова, затаив дыхание. Это было невозможно. Неправдоподобно. Сердце колотилось где-то в горле, выстукивая сумасшедший ритм.

Новые вопросы сыпались как осенние листья с дерева. Откуда у Григория Львовича оказался этот артефакт? И главное — как вернуться назад, в будущее или... настоящее? А надо ли возвращаться туда, где я все потеряла? Здесь. Сейчас, владея информацией, я могу предотвратить гибель отца.

За окном мелькали двухэтажные дома, узкие улочки. Все было знакомо до боли, но казалось, будто я впервые вижу этот город — старый, но прекрасный в своем несовершенстве. Где-то вдали раздавались звуки колоколов, они тонули в гомоне улицы: в неторопливой переключке торговцев, в смешанном гуле голосов спешащих по своим делам прохожих. Мальчишка-газетчик неся, спотыкаясь о мостовую, старьевщик тащил тележку с горой чугунных чайников. Ветер подхватывал багряные листья и кружил их в безумном танце.

Прикрыв глаза, я ловила последние капли тепла от бледного солнца, упрямо пробивавшегося сквозь тучи. Я до сих пор не могла поверить, что... жива. И тут же память нанесла свой удар — едкий дым, крики толпы, ярко-оранжевые языки костра, лижущие подол моей сорочки. Я с ужасом распахнула глаза, дыхание перехватило... Отец, погруженный в чтение, шуршал документами. Все еще не верилось, что вот он... рядом. Стоит только протянуть руку...

— Папа, — я дотронулась до него, отвлекая от разглядывания чертежей.

— Что, дочка? — улыбнулся отец. Сердце защемило от нежности, и я прошептала:

— Хотела сказать, что... люблю тебя.

— Ты самое прекрасное, что есть в моей жизни, — расстрогался он.

Я пересела к нему, прижалась, вдыхая аромат мастерской, где работал отец: резкий запах озона после вспышек магических кристаллов. Он пытался создать замену артефактам, бросить вызов самим основам этого мира. Сломать многовековую монополию магических родов, сделать магию доступной не только для избранных... Эта мечта о свободе для всех и погубит его. «Думай, Алиса, вспоминай. Что тебе известно?»

Я знала дату пожара — пятнадцатое ноября. Помнила имена тех, кого подозревала тогда.

Бывший возлюбленный Воронцов. Он занял пост прокурора сразу после пожара в мастерской отца, а через три года обвинил меня в его убийстве, а также в поджогах других мастерских.

Купец Фролов, дела которого после папиной смерти вдруг пошли в гору, а потом он лжесвидетельствовал против меня в суде. Рассказывая, как я умоляла его убедить отца остановиться и не создавать кристаллы. Потому что это будет не настоящая магия. Подделка!

Советник Лебедев из Императорского технического общества... Помню, в каком пребывала шоке, когда узнала от Григория Львовича, что все промышленные разработки отца, его идеи, чертежи Лебедев теперь представлял, как соб-

ственные.

А еще существовал Орден Черного Феникса и тот, кто его возглавлял, не желал никакого прогресса.

Отец смотрел в окно, а я положила голову на его плечо, слушая спокойное биение сердца. Карету слегка потряхивало на ухабах, а по крыше монотонно стучал дождь. Осенью он мог зарядить на весь день. В такую погоду хорошо сидеть в мягком кресле возле камина, укрыться пледом и читать книгу. Я не представляла, как вообще смогу после всего спокойно спать по ночам, вести беседы ни о чем... смеяться.

— Что это было с тобой, дочка? — неожиданно тихо спросил отец, прикладывая ладонь к моему лбу. — Холодный. В мастерской ты была в прекрасном настроении, весела... Григорий сказал, ты упала и могла удариться головой. Подем к врачу, а не к модистке? Сейчас велю Юрке разворачиваться...

— Нет, — остановила я отца. — Все хорошо. Я просто... испугалась. Мне вдруг подумалось, что мастерскую подожгут, а ты... погибнешь.

Он тихо рассмеялся, а затем поцеловал меня в лоб:

— Алиса, мастерская под лучшей защитой, какую только могут предоставить императорские артефакты, — папа растегнул верхние пуговицы пальто, и я увидела на его груди рубин в золотой оправе. — Вот, советник Лебедев велел носить.

«Почему же артефакты тебя не спасли?», — с горечью по-

думала я. И тут же сама ответила: «От предательства нет защиты». Теперь я могла проверить, были ли артефакты, переданные отцу, бракованными или нет. Какое же сегодня число?

Карета остановилась, и я бросила взгляд в окно: мы находились в переулке рядом с площадью Мастеров возле двухэтажного дома, на вывеске которого значилось: «Ателье мечты».

— Иди, примеряй платье на бал, — отец похлопал меня по руке. — Княгиня Орлова впервые устраивает такое торжество, и я хочу, чтобы ты блистала на нем.

Щелк! Словно кто-то нажал на выключатель. Выходит, сегодня десятое октября, одна тысяча... Артефакт отправил меня на три года назад. Послезавтра будет бал, где я познакомлюсь с Максимом, а через месяц он попросит моей руки, отец даст согласие. День свадьбы назначат на шестое мая следующего года, но... через три дня в лаборатории случится пожар, папа погибнет, а Воронцов... отречется от невесты. Без всяких объяснений. Без личного разговора. Будущий прокурор просто пришлет письмо... Я буду иногда встречаться с ним на балах у знакомых, бывший возлюбленный даже не станет смотреть в мою сторону, а потом... предоставит лживые доказательства, объявит меня ведьмой и будет просить суд приговорить к сожжению.

Я вздрогнула, вспомнив жар костра. Как так вышло, что в одно мгновение человек, который клялся в любви, вдруг

перестал испытывать к тебе чувства? Мог ли сам Воронцов быть членом Ордена? В голове роились страшные мысли. Да, Максим принадлежал к древнему роду, как и я, но мой отец был тем, кто хотел уравнивать права простых людей, дворян и богатых купцов. Возможно, то, что Воронцов стал прокурором, еще не означало его связи с Орденом, но теперь у меня не было права строить догадки — только знать. Какую же сложную задачу я себе поставила — за месяц остановить Орден... Я за три года не смогла, а тут за месяц.

«Но тогда у тебя не было тех знаний, что сейчас, — подержал внутренний голос. — Ты действовала открыто, публично задавала неудобные вопросы. Никто тебе не верил, что мастерскую отца подожгли, и с иронией слушали, когда ты рассказывала о тайном Ордене. Сейчас все иначе».

Да, я стала умнее. Мне вспомнилось, как смеялась подруга Лилия над моими подозрениями. А потом ее отец, купец Фролов, пригласил меня на разговор в свой кабинет, видите ли, я плохо влияла на дочь. «И подумай о своей репутации, Алиса. Неужели ты не слышишь шепотки за спиной? Разрыв с потомственным князем Воронцовым только усугубил твоё положение. Мой совет, девочка. Веди себя потише, и тогда твоя судьба не будет такой горькой». Я дерзко ответила Фролову и больше не появлялась в их доме. Меня перестали приглашать на празднества. Правда, это все мало тогда волновало. А теперь... не мог ли отец Лилии быть связан с Орденом? Возможно, через него «Черный Феникс» решил

предупредить настырную девчонку. Надо обдумать каждый свой шаг и не совершить тех ошибок, которые я сделала в будущем.

Я провела ладонью по краю шляпки-капора, бережно поправляя головной убор.

— Юрка отвезет меня домой, а потом вернется за тобой, — отец чмокнул меня в щеку. В его глазах светилась любовь — глубокие карие глаза словно излучали мягкий свет, и я так не хотела его отпускать. Вдруг он сейчас уедет — и все... я его больше не увижу.

— Папа, — я ухватила за его рукав, ощущая под пальцами плотную ткань шерстяного пальто. — Пожалуйста... будь осторожен.

— Хорошо, — отец улыбнулся, и в этой улыбке я уловила и заботу, и легкую нотку снисходительности. — Ступай.

Выйти — значит сделать первый шаг навстречу тому балу, той встрече с Воронцовым. «Трусиха, — прозвучал внутри едкий голос. — Он сломал тебя тогда и продолжает держать в ежовых рукавицах сейчас, даже не зная об этом». Это была правда. Я выпрямилась и резко толкнула дверь. Нет, я не побегу. Я использую этот шанс. И вышла наружу.

Осенний ветер тут же взметнул полы моего пальто, вышитого серебряной нитью по черной шерсти. Пронизывающий дождь полил сильнее, и я опустила голову, чтобы колючие капли не попадали на лицо. Я поторопилась укрыться в ателье Матильды Лещенко. Дверь с витражом в виде павлинье-

го пера захлопнулась за спиной, отсекая непогоду.

Внутри оказалось тепло, пахло кофе и сладковатым ароматом духов.

— Алиса Арсеньевна! — Голос помощницы прозвучал, как звон хрустального колокольчика. Девушка в платье цвета шоколада сняла с меня промокшее пальто и шляпку. — Вас ждут в примерочной. Проходите.

Она указала на дверь, обрамленную золотыми кистями. За ней располагалась просторная комната с большими зеркалами в раме черного дерева и три кабинки с темно-бордовыми занавесками.

Прежде чем я успела сделать шаг, услышала щебетание Лилии. Нет, я была не готова к нашей встрече и с удовольствием бы ее избежала, но деваться было некуда. Подруга заметила меня в отражении зеркала.

— Алиса, слава Творцу, ты явилась! — Лилия подняла руки к потолку и закатила глаза. Она стояла на низкой табуреточке в пышном платье нежно-голубого цвета, который прекрасно подходил светловолосой подруге и делал ее глаза ярче. Две швеи ловко наметывали подол, а темноволосая статная женщина прикрывала декольте Лилии прозрачной вуалью. Модистка, увидев меня, улыбнулась.

— Как я рада вас видеть, Алиса Арсеньевна, — она сделала изящный жест, и одна из швей тут же скользнула за ширму с вышитыми павлинами. — Сейчас Аннушка принесет

ваше платье, а пока... — Матильда подошла ко мне, чтобы помочь раздеться.

— Я видела твой наряд, — весело заявила Лилия, разглядывая в зеркале свое отражение и невольно касаясь кружевной отделки лифа. — Он бесподобен!

— По-другому и не могло быть, — улыбнулась я. Матильда на самом деле была талантливой модисткой. И я помнила, какое чудесное платье она мне сшила. Сейчас я бы выбрала другое — более строгое, не такое открытое и яркое.

Швея вернулась, неся наряд как священную реликвию. Ткань цвета слоновой кости с нежным розовым отливом. Юбка, расширяющаяся от талии, была усыпана вышитыми камелиями.

— Осторожно, барышня, — Аннушка подавила улыбку, когда я ступила на табуреточку. Ее руки обвили мою талию, затягивая шнуровку. Я ощутила, как ткань корсажа мягко сдавливает грудь, и невольно задержала дыхание. В отражении зеркала я разглядывала себя, восемнадцатилетнюю. Свет из высокого окна падал на мое лицо, подчеркивая каждую деталь. Кожа была без изъянов — гладкая, словно фарфор, с легким румянцем на щеках. Прямой тонкий нос, нижняя губа чуть полнее верхней. Волосы, аккуратно уложенные в прическу, словно вспыхивали темными янтарными искрами в лучах солнца. Но взгляд... в глазах не было того восторженного блеска и любопытства, что так свойственно юности. Они смотрели серьезно, даже немного устало, будто видели

слишком много для своих лет. Я видела смерть. Эти глаза выдавали меня.

Аннушка тем временем продолжала ловко управляться со шнуровкой, изредка бросая на меня взгляды, в которых смешивались доброта и легкое недоумение. Она точно пыталась разгадать тайну, скрытую за моей внешностью, но пока не могла ее понять.

— Сюда подойдет жемчужное ожерелье, — внимание модистки сосредоточилось на золотистом кулоне. И я ругала себя, что забыла о нем. «Надо было убрать его в карман еще в кабинке». Но внутренний голос возражал: «А если ты после этого вернешься обратно?» И он был прав, потому что я совершенно не знала, можно ли снимать артефакт.

— Думаю, золото тоже хорошо смотрится, — решила я высказаться, чтобы хоть немного отвлечь Матильду. — Он как бы... добавляет образу элегантности.

— Прекрасный выбор, — Матильда наклонилась ближе. — Напоминает древний артефакт.

Я застыла. Если модистка обратила внимание на кулон, то что будет на балу? Кто-нибудь обязательно спросит, откуда в нашей семье появилось такое украшение. Надо было срочно что-то придумать.

Шорох перьев оборвал напряжение — Аннушка принесла веера. Я выбрала белоснежный. Матильда, не отрываясь от созерцания кулона, надела на меня перчатки цвета лунного света.

— Золото создает слишком резкий контраст, - задумчиво произнесла Матильда.

— Но украшение восхитительно! — Я грациозно повернулась к зеркалу, демонстрируя то левый профиль, то правый. И капризно сказала: — Мне хочется быть в нем.

— Вуаль немного приглушит золотое сияние, — модистка щелкнула пальцами, и Аннушка снова убежала за ширму.

Швея вынесла прозрачную ткань с серебряным отливом. Матильда укрыла мои плечи. Мерцание кулона померкло, но я продолжала ощущать кожей его живительное тепло, смешивавшееся с холодком шелка на моих плечах.

— Совершенство, — Матильда отступила на шаг, прищурившись, будто любясь не мной, а собственной работой.

— Мне нравится, — улыбка скользнула по моим губам.

«Иначе и быть не могло», — с холодной яростью подумала я, глядя на свое отражение, которое вдруг сменилось на образ Воронцова. Мрачного и жестокого. Мы должны были встретиться на балу и, может, не стоит избегать встречи. Пусть запомнит меня такой — красивой и неприступной. Пусть, когда я спасу отца, его сердце будет разбито моим отказом. Я вскружу предателю голову и отвечу: «Нет!» на предложение руки и сердца.

— Беру, — кивнула я модистке.

Глава 2

Лилия трещала без умолку. И я должна была ей вторить:

восторгаться приглашением княгини Орловой, восхищаться древностью ее рода и знатностью семьи. Но в новом для себя настоящем я, погруженная в свои мрачные мысли, молчала, лишь изредка кивая головой.

— Ах, сколько там будет знатных кавалеров! — Лилия захлопала в ладоши, ее глаза сияли предвкушением. — Папенька сказал, что я должна блистать, чтобы меня заметили, если я хочу стать супругой дворянина. А я очень хочу! Алиса, — подруга вдруг замолчала и уже тише спросила, наклонившись ко мне: — Что случилось? Ты... какая-то другая. Вчера мы обсуждали с тобой холостых мужчин, и ты говорила, что рада была бы вниманию князя Воронцова.

Я вздрогнула, словно от удара. Снова он, тот, кто разбил мое сердце, кто опустил меня на самое дно, откуда невозможно выбраться живым. Сделала глубокий вздох и сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

— Алиса, — прошептала Лилия, ее голос дрожал от беспокойства. — У тебя такое лицо... мне страшно в твои глаза смотреть.

«Надо быть осторожней», — подумала я, с трудом возвращая внешнее спокойствие. Три года назад я обожала танцевать, а еще я много смеялась и кокетничала с молодыми людьми. Могла сегодня увлечься одним, а завтра - другим. И только Воронцов запал в душу так глубоко, что до сих пор мысли о его предательстве болезненно отдаются в груди, словно незаживающая рана.

— Мне... нехорошо, — процедила я сквозь зубы, стараясь не выдать истинные эмоции. Как же хотелось остаться одной, закрыться в комнате, забиться в угол и просто кричать, пока не кончатся силы. Но вместо этого приходилось думать, выстраивать в голове хоть какой-то план. Мне было не до пустой болтовни о кавалерах, танцах и нарядах.

— Ты и правда такая бледная, — Лилия заботливо погладила меня по руке, ее нежность была почти невыносимой. — Выпей травяного чая с мятой и медом, да ложись под одеяло, чтобы с потом вся хворь вышла.

«Если бы все было так просто», — горько усмехнулась я про себя, чувствуя, как внутри все сжимается от боли. Карета остановилась возле дома Фроловых, и я заставила себя улыбнуться.

— Поправляйся, ты моя лучшая подруга, и завтра мы вместе должны сиять у княгини, — Лилия чмокнула меня в щеку, ее улыбка и взгляд, такой добрый и наивный, неожиданно расстроили до глубины души. Я ведь тоже была... такой. Верила в справедливость закона и правду. Как же жалко стало ту, прошлую себя в этот момент. Сколько придется вынести юной Алисе Горской, прежде чем она окажется привязанной к столбу.

Подруга выскочила из кареты и поспешила к дому, а Юрка, наш кучер, хлестнул кнутом, и карета, запряженная парой вороных, плавно покатила дальше. Дыхание сперло, и я обхватила горло, словно пытаюсь удержать рвущиеся нару-

жу эмоции. Творец или Орден вернули меня в прошлое — неважно. Пешкой я становиться не собиралась. Не в этот раз. Необходимо хорошо изучить артефакт, порыться в семейной библиотеке. Да, там полно книг на технические темы, но есть и старинные легенды, их собирала... мама.

Еще одна моя утрата, настолько сильная, что детская память просто запечатала себя, чтобы я не страдала. Моя рука невольно коснулась кулона, прятавшегося за высоким воротником платья. «Я должна все исправить», — мелькнула мысль, когда кованые ворота отворились, пропуская карету в знакомый двор.

Мы медленно подъезжали к месту, и я вдруг словно заново увидела отчий дом. Ветер кружил листья клена, выкладывая на земле ковер из золота, а над крышей усадьбы, трехэтажной, с башенкой-обсерваторией, клубились тяжелые тучи. Мелкий надоедливый дождик моросил, а я подставила ему лицо, ощущая холодные капли на коже. «Жива. И я здесь, сейчас, в этот момент», — подумала я, выходя из кареты.

Но в глубине души уже зрело решение. Я не позволю прошлому повториться. На этот раз все будет по-другому.

— Все хорошо, хозяйка? — с искренним беспокойством спросил Юрка, парень с обветренным лицом и добрыми глазами, сын нашей поварихи, которого я знала с самого детства.

— Так, замечталась, — усмехнулась я, когда услышала,

как хмыкнул кучер, и стала подниматься по мраморной лестнице. Пальцы скользнули по резным перилам, и я опустила взгляд, отмечая трещину на третьей ступеньке, никуда она не делась. Я дома. Действительно дома.

Дверь распахнулась прежде, чем я коснулась ручки. В проеме стояла горничная Параша в чепце с оборками.

— Барышня... — Параша замерла, глотая воздух, будто увидела призрак.

А я неожиданно вспомнила, что именно она принесла мне ужасную новость о пожаре в мастерской отца, а через три года открыла дверь стражам порядка и проводила их в мою комнату для ареста. «Почему она не предупредила хозяйку?» — снова подумала я, разглядывая румяные щеки, русую косу и большие голубые глаза.

— Что-то случилось? — я приподняла брови.

Параша торопливо посторонилась, и я вошла внутрь. Тут же родной до боли запах дома — смесь цветов, свежее испеченного хлеба и старого дерева — окружил меня. Жадно его вдыхая, я с трепетом разглядывала широкую прихожую, шторы, украшенные ручной вышивкой, красную дорожку под ногами. Фоновый гул от работающей артефактной системы был так же привычен, как биение сердца.

Отец, как и все состоятельные горожане, ежемесячно переводил в казну солидную сумму за право пользоваться све-

том, водой и теплом. Где-то в стенах мягко пели магические артефакты, отгоняя моль и поддерживая сухость. Без них дом в одночасье превратился бы в холодную, пропахшую плесенью каменную коробку, ничем не лучше лачуг на окраине, где люди грелись у дымных очагов.

Служанка забрала у меня пальто, шляпку и перчатки. Она что-то говорила об ужине, а я как в тумане шла дальше к гостиной. Голова закружилась от нахлынувших воспоминаний. словно два разных человека смотрели одними глазами: один с тоской, другой с холодной ясностью. Мои пальцы нежно коснулись бархатистой поверхности дивана, дотронулись до темно-коричневой рамы портрета родителей, висящего на стене — их лица, такие знакомые и родные, смотрели на меня с легкой улыбкой.

Пошла к лестнице, взбежала по ней, и отчего-то на душе стало радостно, что под ногами привычно скрипят деревянные ступеньки. И сейчас, поднимаясь наверх, я чувствовала, как прошлое и настоящее сплетаются в тугий неразрывный узел. Было ли это предначертано Творцом или кто-то другой решил вмешаться, сейчас не волновало.

Я толкнула дверь в свою комнату. И простое человеческое счастье нахлынуло на меня. Как же здорово оказаться дома. Впервые за день на моих губах расцвела улыбка. Хотелось танцевать, петь, кружиться в вихре радости и забыть обо всех тревогах.

Повинуясь внезапному, почти истерическому порыву, я

подхватила растерянную Парашку и закружилась с ней в вальсе. На ее лице сначала появилось недоумение, но вскоре на нем проступила робкая улыбка.

— Как же хорошо! — воскликнула я, чувствуя, как радость переполняет душу.

Отпустила неловкую служанку и упала на кровать, и тут же истерическая легкость сменилась ледящей душу пустотой. Руки снова задрожали. «Соберись», — приказала я себе мысленно, стиснув зубы. И словно в ответ, в животе вдруг заурчало, и я произнесла:

— Есть хочу!

— Так я вас и звала, а вы наверх побежали, — ворчливо заметила Парашка. Она подошла ближе, и я приподнялась на локтях, глядя на нее.

— Там у хозяина гости, купцы Фролов и... Крутов. Их надо развлечь перед ужином, ваш папенька попросил вам передать, — огорошила меня служанка. Ее голос звучал серьезно, подчеркивая важность сообщения.

Сердце у меня на мгновение остановилось. Фролов. Один из подозреваемых мною мерзавцев. И он здесь, в нашем доме, пьет наш чай.

— К хозяину прибыл посыльный и ждет срочного ответа. Гости одни в столовой, — добавила девушка.

«Ну конечно, — с горькой иронией подумала я. — Никакого покоя, никакой передышки, чтобы прийти в себя. Судь-

ба буквально толкает меня в гущу событий».

Совсем не выходило у меня побыть наедине со своими мыслями! А подумать было о чем. Рассказать ли отцу о себе... правду? Я боялась, что он не поверит, а если поверит, то поднимет шум. И тогда, возможно, Орден убьет его не через месяц, а завтра, тихо и незаметно. Только поэтому я продолжу играть свою роль. Мне нужен этот бал, чтобы осмотреться. Как это делают воины перед боем.

Я вздохнула, чувствуя, как радость от возвращения домой постепенно уступает место тяжелому, давящему ощущению неизбежности. Первая битва начиналась не на балу, а прямо здесь, в отчем доме.

— Тогда давай переодеваться, — вздохнула я, поднимаясь с кровати.

Через несколько минут я уже шла по коридору к столовой, мягкий ковер на полу приглушал звук моих шагов. Дверь в комнату оказалась приоткрыта, и я остановилась, чтобы разгладить невидимую складочку на платье. В этот момент до меня донесся незнакомый мужской голос:

—...Женился на мещанке, — кто-то сокрушенно вздыхал, и хрустальный бокал звякнул о блюдо.

Прежде я сочла бы подслушивание недостойным и вошла бы в гостиную с вежливой улыбкой. Но нынешняя я решила узнать, о чем беседуют гости.

— Деньги деньгами, — фыркнул Фролов, и я представила, как его седые бакенбарды вздрагивают от негодования.

— Он собрался в изобретатели податься, а кровь у его дочери на три четверти простая. Ни тебе магии, ни перспектив. Опустил свой род, вот что я скажу.

Я замерла у двери, сцепив пальцы в замок. Они говорили о моих родителях. Мамина семья была из мещан, пусть и богатых. В прошлой жизни эти слова довели бы меня до слез. Сейчас же они вызвали лишь горькую усмешку. «О, если бы вы знали, какие "перспективы" ждут меня всего через три года, — ядовито подумала я. — Ваша дорогая Лилия будет оттирать после меня руки, будто я прокаженная». И все же силу воли пришлось собрать в кулак, когда я вошла в гостиную.

— Доброго вечера, Алиса Арсеньевна, — притворно улыбаясь, поздоровался со мной Константин Борисович Фролов.

Я ответила на приветствие, стараясь вложить в голос максимум любезности, и кивнула незнакомому купцу с рыжими лохматыми усами и бородой. Он представился Степаном Игнатьевичем Крутовым. Его взгляд был цепким, а в уголках глаз притаились хитрые морщинки. Неприятные люди. Обсуждать хозяина дома, который выказал им гостеприимство, то еще свинство. Как я раньше не замечала, насколько неприятен Фролов. Он был невысок и крепок, с округлым животом, который едва скрывал сюртук. Маленькие черные глаза смотрели исподлобья, а мясистый нос походил на перезрелую картошку.

— Господа, позвольте вас немного развлечь, — сейчас я

поставлю вас на место. Обоих. — Отец часто говорит, что истинная ценность человека — не в титулах, а в уме и его делах, — произнесла я сладким голосом, садясь за сервированный стол напротив гостей.

Парашка зашла следом, неся горячее блюдо. От него поднимался душистый пар, насыщенный ярким мясным ароматом, в котором угадывались нотки пряных приправ — корицы, гвоздики и черного перца. Блюдо казалось настоящим произведением кулинарного искусства: румяная корочка, сочные кусочки мяса и золотистые овощи, аккуратно разложенные вокруг. Служанка осторожно поставила его в центре стола, и по комнате тут же разлился аппетитный запах.

Я сцепила руки в замок, чтобы тотчас же не схватиться за ложку. Так давно я не ела домашнюю еду, да просто... горячую пищу.

Толстые пальцы Фролова забарабанили по подлокотнику, а Крутов невежливо хмыкнул. Ничего. Сейчас вы по-другому запоете, голубчики. Я вдруг вспомнила, как Григорий Львович сетовал о сгоревших в мастерской отца чертежах, а потом удивлялся, как точно советник Лебедев воспроизвел регулятор давления, над которым работал отец, когда император потребовал от технического общества результаты.

Тогда я не думала о том, что чертежи отца были просто украдены перед пожаром. Осознание пришло после...

— Хочу вам похвалиться, папенька изобрел кое-что новое для паровых машин. И новинка уже получила одобрение

в министерстве, сам советник Лебедев заинтересовался... Не правда ли, как вовремя, ведь развитие железных дорог — приоритет нашего императора, — врала я, не краснея. Потому что только через два месяца, в той, моей прошлой жизни, изобретение отца увидело свет от имени Лебедева. — Только прошу, не выдавайте меня. Папенька сказал, что это пока секрет.

Я приложила палец к губам, играя легкомысленную девицу. Вроде получилось неплохо, потому что рыжий Крутов неожиданно оживился.

— Это о новом регуляторе давления? Я слышал, штука крайне перспективная. — произнес он, а его взгляд тут же метнулся к Фролову, будто ища подтверждения.

Скромно опустив ресницы, я делала вид, что поправляю складки на платье. Теперь эти два мерзавца будут ломать голову, как им заполучить долю в перспективном проекте, вместо того чтобы злословить об «испорченной крови».

В этот момент в столовую вошел отец. Он окинул взглядом собравшихся, и в его голосе прозвучали нотки сдержанного достоинства, когда он поблагодарил гостей за ожидание. Его взгляд остановился на мне — пронизательный, чуть усталый, но все еще полный силы.

— Платье уже готово? — спросил он, слегка приподняв бровь.

— Да, — ответила я едва слышно, стараясь сохранить спокойствие, но внутри бушевал вихрь чувств.

«Ничего, папенька, — мысленно пообещала я себе, глядя на его седеющие виски. — В этот раз мы не станем жертвами сплетен и интриг. В этот раз все будет иначе».

Взгляд мой скользил по столовой: по полированному столу, на котором поблескивали хрустальные бокалы и фарфоровые тарелки; по тяжелым портьерам, отгораживающим нас от внешнего мира; по лицам гостей, в которых читались разные эмоции — от любопытства до едва скрытой неприязни. Я чувствовала, как в воздухе висит напряжение, словно натянутая струна, готовая в любой момент лопнуть. «Спокойно, Алиса! Ты со всем справишься», — подумала я и пожелала гостям приятного аппетита.

Княгиня Орлова смотрела в окно своего будуара, за которым медленно спускались на столицу сумерки. Темные тени окутывали улицы, а редкие фонари, заряжаемые от центрального артефакта на Императорской башне, бросали тусклые лучи, пытаясь противостоять наступающей тьме. Где-то внизу, в кварталах дворян, уже зажигались мягким светом частные светильники, а дома небогатых купцов и чиновников тонули в полумраке — экономили на дорогой магической энергии. Целый город, вся его жизнь, от высот до низов, определялась доступом к артефактам.

В отражении стекла четко проглядывалось лицо княгини

— правильные, тонкие черты, высокие скулы, медные с проседью волосы, уложенные в сложную прическу. Во всем ее облике сквозила властность, перемешанная с усталостью.

— Я не хотела этого бала, Павел Русланович, — тихо произнесла княгиня, не оборачиваясь. В глубине комнаты, в кресле из красного дерева сидел советник в щегольском костюме. Лебедев привычным жестом подкручивал черные усы. — Никакого желания устраивать это торжество для толпы безродных выскочек и разорившихся аристократов у меня нет. Но придется.

Лебедев сделал глоток из хрустального бокала, оценивая аромат коньяка.

— Ситуация обязывает, ваше сиятельство. После новых распоряжений из дворца необходимо демонстрировать лояльность. Особенно таким, как мы.

— Демонстрировать что? — резко обернулась княгиня. Ее глаза, холодные и пронзительные, сверкнули. — Что мы одобряем эту... ересь? Создание подделок для черни? Это угроза самим основам нашего порядка. Артефакты — дар Творца избранным родам для поддержания уклада, а не игрушка для всякого мещанина. Пока магия — удел избранных, мы контролируем все нити. А если каждый лавочник получит в руки артефакт и силу?

Лебедев поставил бокал, и сложил ухоженные белоснежные руки на столике.

— Вы правы, княгиня, но не все так безнадежно, как кажется. Я ознакомился со списком так называемых «мастеров», допущенных к работе. Большинство — ремесленники, способные создавать лишь простейшие замены артефактам. Вряд ли они способны на нечто, что могло бы по-настоящему нас беспокоить.

Княгиня медленно прошлась по комнате, и шелк ее пеньюара мягко шелестел в тишине.

— Вот только Горский, — произнесла она, и имя прозвучало как приговор. — Арсений Петрович. Он не из их числа. Его чертежи... они опасны. Он постигает саму суть энергий и стремится обнародовать эти знания.

— Горский... да, — Лебедев кивнул, в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, тут же погасшее. — Талант, бесспорно. Единственный, кто может создать не просто подобие, а нечто рабочее. Неожиданно. Как в купеческой семье мог родиться такой мастер?

— Значит, за ним нужен глаз да глаз, — голос княгини стал тише, но от этого лишь опаснее. — И меры, если требуется.

В воздухе повисла тяжелая пауза. Лебедев нервно заерзал на стуле.

— А можно найти и более... изящное решение, — мягко добавил он. — У каждого человека есть своя цена. Слава, деньги, положение... или что-то более ценное. У Горского

есть дочь. Говорят, он ее обожает. Благополучие юной особы может стать убедительным доводом в наших руках.

Княгиня Орлова остановилась у камина, положив тонкую руку на мраморную полку. Пламя отражалось в ее зрачках, делая их похожими на раскаленные угли.

— Воронцов... — задумчиво проговорила она. — Смазливый стервец, пусть приглядит за ней.

Решение принято. Княгиня повернулась к советнику:

— Наше дело не потерпит угроз. Мы должны оставаться в тени, а истинная сила — под контролем тех, кто рожден ею владеть.

— Разумеется, ваше сиятельство, — Лебедев склонил голову в почтительном поклоне. — Все будет исполнено. За Горским уже установлена слежка. Завтра на балу я лично наблюдаю за ним и его дочерью. Иногда достаточно просто намекнуть на последствия неправильного выбора — и дело будет решено.

— Прекрасно, — княгиня снова повернулась к окну, к зажигающимся в городе огням. Ее силуэт на фоне темнеющего неба казался одиноким и незыблемым. — А теперь оставьте меня. Нужно подготовиться к этому нелепому балу. Нам предстоит сыграть свои роли безупречно.

Лебедев молча поднялся и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь. Его шаги затихли в коридоре, оставив княгиню Орлову одну в ее мрачном будуаре. Она сжала кулаки, чувствуя, как по телу разливается знакомое, горькое напряжение.

ние.

— Мы все всего лишь искры и в любой момент можем погаснуть, - княгиня подняла голову к ночному небу. — Возроди пламя. Нам так нужна твоя наследница!

Глава 3

Мне снился огонь. Он кружил вокруг меня, словно забавлялся, а у меня никак не получалось выйти из огненного круга. Я сжалась в комок в надежде, что он до меня не доберется.

— Алиса, — раздался знакомый голос, и я вскинула голову. На меня смотрел Воронцов. В его зеленых глазах отражались блики пламени. Легкая усмешка коснулась губ, и он зловеще произнес: — Несите еще хвороста!

Я проснулась. Не хватало воздуха. Соскочив с кровати, распахнула окно, и тут же свежий ветерок охладил разгоряченное тело. На улице моросил дождь, а я закрыла глаза и с каким-то немым блаженством впитывала в себя холодные капли. Теперь я знала — мой худший кошмар — это сны об огне, в котором я сгораю.

Жива! Стою перед раскрытым окном, чувствую влагу. Дышу, в конце концов. Тепло на груди напомнило о кулоне. Я дотронулась до гладкого камня. Пора поискать информацию об артефакте в библиотеке, все равно сейчас не усну.

После ужина я рано отправилась спать. Нервное напряжение вымотало, и до древних книг я так и не дошла. Когда

полудрема охватила тело, мелькнула мысль: «А если мне все это... снится? Если сейчас я проснусь в камере и тюремщик поведет меня на казнь?» Не знаю, сколько я пялилась в потолок, в ожидании, что сейчас жестокая реальность проступит сквозь родные стены. Но усталость взяла верх, да и нервам требовался покой. Спала я крепко, пока кошмар не напомнил о казни.

Я накинула махровый халат, взяла лампу и слегка повернула встроенный в нее магический артефакт. Свет моргнул раз, потом еще и слабо осветил комнату. Ясно, артефакт садится. Надо будет утром сказать Парашке, чтобы не забыла отнести его в семейную ячейку для подзарядки — неделя использования стоила отцу немалых отчислений в казну.

Без артефактов в доме бы не было воды, света, тепла. Наша семья, слава Творцу, могла себе это позволить. В отличие от тех, кому приходилось экономить на краюхе хлеба, чьи дома погружались ночью в темноту, а воду они носили ведрами из общественных колонок. Последние монеты бедняки отдавали за тепло... Дрова и уголь были ненамного дешевле, чем артефакты, но их количество никто не ограничивал. Раньше я не задумывалась, как тяжело жить семьям, где от количества арендованных артефактов зависела не только сытость, но и выживание. Лишь когда сама столкнулась с нищетой в своем прежнем будущем, я поняла ту тихую ненависть в людских глазах. Финансовые проблемы стали вылезать после смерти папы. Штрафы городских инспекций, срывы сро-

ков заказов, уничтожение чужих артефактов, которые находились в мастерской на ремонте. Я только и успевала оплачивать счета. Хорошо, что организацию похорон взял на себя дядя Яков. Семья Горских несла убытки. Срывались ранее подписанные контракты, клиенты уходили к другим поставщикам. Было такое ощущение, что нам объявили войну. Это сейчас я понимала, что за всем стоял проклятый Орден. К сожалению, мы зависели от артефактов, как от воздуха, но этот воздух распределяли те, у кого была власть. Стране нужна была альтернатива. Это понимал император, но не Орден Черного Феникса.

Дождь усилился, и теперь, осторожно открывая дверь в библиотеку, я слышала, как тяжелые капли ударяют в окно. Знакомый запах старой бумаги, воска для полировки дерева и едва уловимой пыли, с которой не могла справиться Парашка. Эта комната была сердцем нашего дома, его душой. Высокие потолки, заставленные до самого верха тяжелыми фолиантами, шкафы из темного дуба, письменный стол и уютные кожаные кресла у камина, в котором сейчас мерцали угли.

Здесь пахло знанием. И тайной. Я любила бывать в этом месте, особенно когда отец раскладывал свои чертежи на столе и погружался в работу. Увлеченный своими мыслями, он порой даже забывал о моем присутствии. Мог неожиданно воскликнуть:

— А это идея!

Или бурчать под нос, делая заметки, когда читал очередную книгу с открытиями.

Отец был полной противоположностью младшего брата, дяди Якова. Его характер отличался серьезностью и склонностью к высоким устремлениям, тогда как дядя Яков был более легкомысленным и предпочитал простые житейские радости. Отец обладал острым умом и неутолимым стремлением к знаниям, он всегда искал новые пути развития и был увлечен техническими новинками. В отличие от него, дядя Яков больше интересовался коммерческой стороной дела и умел ловко вести торговые переговоры, но не проявлял особого интереса к научным изысканиям и общественным начинаниям.

Поэтому, когда появилась возможность, отец с облегчением переложил все купеческие дела на плечи дяди Якова — он полагал, что брат справится с ними лучше, и это позволит ему сосредоточиться на своих интересах. Сам же он направил все силы на то, чтобы добиться членства в Императорском техническом обществе. Для этого ему пришлось немало потрудиться: подготовить ряд докладов, опубликовать несколько статей в профильных изданиях и наладить контакты с влиятельными членами общества. Его упорство и глубокие познания в технике в конце концов принесли плоды — его кандидатура была одобрена, и он стал полноправ-

ным членом технического общества.

Отец часто говорил, что членство в таком престижном учреждении — это не просто почетный титул, но и возможность влиять на развитие науки и техники в стране. Он видел в этом свое призвание. Дядя Яков, в свою очередь, не возражал против такого разделения обязанностей: он был доволен тем, что может вести торговые дела по-своему.

«С чего начать?» — пронеслось в голове. Я подошла к шкафу, где хранились не технические труды, а то, что собирала мама — старинные книги по истории, мифологии, легенды об артефактах и первых носителях магии. Особенно ее интересовали времена до Раскола, когда магия была живой силой, а не товаром, заключенным в камни и металл.

Именно здесь, в пятом томе «Хроник Угасших Родов», я три года назад нашла первое упоминание о символе — фениксе, несущем в когтях меч. Тогда это показалось мне просто любопытным совпадением. Теперь я знала — это была зацепка.

Я достала тяжелый том, с трудом удерживая его в руках, и положила на стол. Лампу поставила рядом. Пальцы скользнули по потертому сафьяновому переплету. Открыв книгу, я принялась листать страницы, испещренные причудливой формы буквами и старинными гравюрами. Нужно было найти именно ту иллюстрацию... Вот и она. На пожелтевшей странице, в главе, посвященной древним Орденам, был изображен тот самый символ. Феникс с расправленными крыльями

ми, держащий в когтях меч. Подпись гласила: «Печать Ордена Черного Феникса». В тексте ниже упоминалось, что Орден, основанный в эпоху Магического Раскола, ставил своей целью «сохранение чистоты магической крови».

Выходит, Орден существовал веками. И сегодня он по-прежнему действует. Теперь я знала, что его члены принадлежали к древним родам, а высокопоставленные чиновники их защищали. Стоило мне подобраться чуть ближе, как я оказалась в темнице.

Моя рука снова нашла кулон, его тепло пульсировало в такт сердцебиению. Этот артефакт был моим козырем с одной стороны и тайной с другой. Тот, Кто в Тени, кем бы он ни был, являлся врагом «Черного Феникса», а значит... моим союзником. Мог ли Григорий Львович держать с ним связь и три года назад? Поговорить с папиным товарищем было просто необходимо, как и найти неожиданного друга, который спас жизнь мне и подарил возможность спасти отца.

Я перевернула страницу. Еще одну. И еще. В поисках новой, пусть даже незначительной зацепки. Когда до конца книги оставалось примерно страниц десять, я наткнулась на гравюру, занимающую половину листа. Золотой феникс был выгравирован с такой тщательностью, что каждое перо казалось живым. Он не просто держал меч — он пронзал им собственное сердце, из которого вырывались не языки пламени, а причудливые, похожие на странные завитки линии. И подпись: «Жертва Сердца Феникса. Дабы возродиться, сперва

умри».

— Возродиться... — сорвался с губ шепот.

Я сгорела на костре, значит, это была... жертва для камня. Или нет? Или артефакт перенесет любого, кто наденет его? Я взглянула на золотистый песок.

— Почему ты помог мне? Разве я связана с фениксом?

В нашем мире давно ни у кого нет магии. Все, что у нас осталось — это артефакты. Они считались дарами Творца, данными избранным родам для поддержания порядка. Поэтому, если дворяне пользовались наследственными артефактами, то средний класс — созданными в Эпоху Расцвета. Их ремонтируют, подзаряжают в особых мастерских. И все. Простолюдины же имеют доступ лишь к общественной бесплатной зарядке, которая ограничена в ежедневном доступе.

Я задумчиво перевела взгляд с книги на фотографию мамы в каминной нише. На поблекшем от времени снимке в тонкой серебряной рамке, она широко улыбалась. Ее улыбка была такой светлой и искренней, что сердце невольно замирало. Одной рукой мама придерживала шляпку с кружевной отделкой, а в другой держала пышный букет полевых цветов, среди которых угадывались васильки и ромашки. За ее спиной виднелся силуэт старинного дома...

И тут, будто прорвав плотину, которую я сама же и возвела, хлынуло воспоминание. Оно всегда было со мной — смутный, размытый образ, который я отгоняла, не в силах

коснуться связанной с ним боли. Но сейчас, под грузом кошмаров, кулона и страшных открытий, пелена рассеялась, и картина проявилась с пугающей, обжигающей четкостью.

Я помнила маму молодой и красивой женщиной. Ее длинные черные волосы, убранные алой лентой, падали на плечи, а глаза смотрели с нежностью. Мама держала в руках свечу и вела меня по узкой лестнице в подземное помещение. Вход скрывался за ковром с вышитым золотым фениксом.

— *Смотри, доченька, — мамины пальцы скользили по вышивке, оставляя за собой мерцающий след. Это была... магия, исходящая от нее самой, живая и теплая, а не холодный свет артефактов. Сначала она дотронулась до правого крыла, где золото переходило в кроваво-красный цвет, потом до левого, где прятались странные символы. Затем — легкое прикосновение к клюву, и палец медленно очертил линию вдоль изогнутой шеи, останавливаясь у брюшка, где вместо пера сверкал рубин.*

— *Ах, — с восторгом шептала я, замирая. Крылья феникса начинали шевелиться, словно птица готовилась взлететь, а ковер расступался, открывая темный проход. Оттуда веяло сыростью и чем-то... древним, опасным. Что скрывал феникс? Куда вел тот проход? Это оставалось тайной.*

До сегодняшнего дня я никогда не задумывалась о том, что привело к гибели мамы. Нет, конечно, я знала, что она погибла от взрыва. Он наполовину разрушил родовой дом в

усадьбе. Отец не стал его восстанавливать, и мы переехали в городской особняк. Официально было утверждено, что в подвале дома произошел несчастный случай. Но чем мама там занималась, почему случился такой взрыв? Я не спрашивала. Никогда. Глубоко внутри спрятав свою боль. И никто не говорил. Ничего.

Я захлопнула «Хроники Угасших Родов». Мысли путались, пытаюсь связать воедино разрозненные факты. Мамин таинственный обряд, Орден Черного Феникса, артефакт, спасший меня от костра... Он черпал силу не из эфира, как обычные артефакты, а из чего-то иного, гораздо более древнего и могущественного. Но из чего именно? Все это были части одной мозаики, ужасающей и невероятной. Могла ли мама быть жертвой Ордена, как отец? Как и я?

Угли в камине окончательно погасли, и в библиотеке стало прохладно. Я потуже затянула халат, ощущая ледяную дрожь, пробирающуюся сквозь ткань. Не от сырости, а от осознания. Мне нужно было в усадьбу. Туда, где все началось. Туда, где, возможно, хранились ответы.

Но как убедить отца поехать в место, которого он все эти годы старательно избегал? Место, напоминающее ему о самой страшной потере. Придется солгать. Придумать причину. Благо горячка, «случившаяся» со мной вчера, могла послужить оправданием для моей внезапной прихоти.

С этими мыслями я вернулась в свою комнату. Я легла в кровать, уставившись в потолок с узором теней от еле

горящей лампы. Вжик. И свет потух: артефакт разрядился. В ушах снова стоял оглушительный гул толпы, кричавшей: «Сжечь ведьму!», а в ноздрях щипало от призрачного запаха гари.

Я сжала кулон в ладони. Тепло, исходящее от него, было единственной нитью, связывающей меня с реальностью. Тот, Кто в Тени. Кто ты? И почему выбрал меня?

Утром я проснулась разбитой, с тяжелой головой. Солнце безуспешно пыталось пробиться сквозь сплошную серую пелену туч. Парашка, хлопотавшая около комода, бросила на меня встревоженный взгляд.

— Плохо спали, барышня? Может, доктора позвать?

— Не надо, — отмахнулась я, с трудом поднимаясь с постели. — Просто... сны тяжелые.

Служанка вздохнула, но не стала настаивать. Пока она помогала мне одеваться, я строила в голове план. Бал. Усадьба. Расследование. Каждое действие должно быть выверено, каждый шаг — осторожен. Я не могла позволить себе ни одной ошибки.

Спустившись к завтраку, я застала отца за чтением утренней почты. Видно, что его тревожила какая-то забота: между бровями застыла складка.

— Папа, доброе утро, — я присела рядом, целуя его в щеку.

— Дочка, — он отложил письмо и улыбнулся, но улыбка

получилась напряженной. — Как самочувствие?

— Лучше, — солгала я, стараясь придать голосу уверенности. — Но... мне снилась мама. И усадьба. Такой яркий сон.

Лицо отца дрогнуло, словно от внезапной боли. Он отвел взгляд, принимаясь размешивать в фарфоровой чашке уже остывший кофе.

— Это понятно. После вчерашнего волнения... — пробормотал он, не глядя на меня.

— Папа, — я мягко положила руку на его. — Мне нужно туда съездить. В усадьбу.

Он резко поднял на меня глаза, в которых мелькнуло беспокойство:

— Зачем? Там давно все заброшено. Одни руины и воспоминания

— Именно поэтому, — настаивала я. — Мне кажется, это поможет мне... успокоиться. Понимаешь, я чувствую, будто что-то тянет туда.

Я видела борьбу в глазах отца. Боль от воспоминаний и желание дать дочери то, в чем она нуждается.

— Алиса, я не знаю... Сейчас столько работы. Новый проект, бал...

— Мы можем съездить на день. После бала. Пожалуйста. Только мы вдвоем, — я старалась говорить мягко, но настойчиво.

Он тяжело вздохнул, потер виски.

— Алиса, это безумие. Зачем ворошить прошлое, которое ничего, кроме боли, не принесет? — голос отца дрогнул, выдавая сдерживаемые эмоции.

Я смотрела на него, чувствуя, как ком подступает к горлу. Свет из окна падал на его лицо, делая более заметным глубокие морщины и тени под глазами.

— Папа, мне тоже больно, — сказала я, стараясь сдержать слезы. — Но мне сегодня приснилось... будто мама оставила там что-то важное. Для нас обоих. Я чувствую это.

Несколько долгих мгновений он молчал, будто взвешивая все «за» и «против».

— Хорошо, — наконец сдавленно произнес он. — Только на день. Обещай, что не будешь расстраиваться, увидев... что там осталось.

— Обещаю, — прошептала я, чувствуя укол совести за свой обман. Но цель оправдывала средства. Мое сердце забилося быстрее: план начинал воплощаться в жизнь.

Отец кивнул и снова углубился в письма, явно желая закончить неприятный разговор. Я взяла со стола пирожок с картошкой, но есть не хотелось. Вместо этого наблюдала за папой, за его сосредоточенным лицом. Он что-то скрывал. Или боялся. Возможно, он и сам подозревал, что смерть матери не была несчастным случаем. Я все больше склонялась к тому, что нашу семью решили уничтожить.

Остаток дня прошел в подготовке к балу, но мои мысли были далеко. Я пыталась вспомнить все, что происходило то-

гда. Парашка порой бросала на меня удивленные взгляды, а потом не выдержала:

— Алиса Арсеньевна, да что с вами такое? — с тревогой произнесла она, разглядывая мое отражение в зеркале.

— Почему ты спрашиваешь?

— Да как «почему»! Обычно перед балом вы у нас — сам огонь: и платья примеряете, и прически придумываете, а сегодня... словно тень по комнате бродите. Совсем на себя не похожи.

— Просто... переживаю, — пожала я плечами.

Не могла же я ей ответить, что с большим удовольствием не поехала бы к княгине, чтобы не встретиться с Воронцовым. Этой встречи я боялась, не знала, смогу ли вообще заговорить со своим палачом. Но я должна быть там, потому что на балу будут присутствовать Фролов и Лебедев, и, возможно, я замечу то, на что не обратила внимания в прошлый раз. Как они смотрят на отца. Какие взгляды бросают на меня. Любой жест, любое неосторожное слово могло стать той самой зацепкой, которая приведет к «Черному Фениксу».

А еще я понимала, что одной мне с Орденом не справиться. Тот, Кто в Тени, вот кого я должна найти. Вместе мы сможем раскрыть заговор древних родов.

Вечером, когда дом затих, я снова прокралась в библиотеку. На этот раз я искала все, что было связано с усадьбой, с родом Горских. Но вместо этого нашла легенду.

Легенда о Сердце Феникса

В эпоху, когда Творец еще ходил среди людей, он наблюдал за миром сквозь золотые песчинки своих часов. Он видел, как сыновья и дочери смертных раз за разом повторяли одни и те же ошибки: предавали любовь ради власти, губили чужие судьбы в погоне за славой, ломали судьбы целых народов из-за гордыни.

И тогда, движимый жалостью, Творец отправился к Алтарю Вечного Пламени — месту, где умирал и возрождался Феникс, хранитель циклов мироздания. Он собрал пепел последнего сожжения птицы, смешал его со звездной пылью Млечного Пути и собственной кровью. Из этой смеси Творец создал артефакт «Сердце Феникса», заключив золотой песок в каплевидный кулон.

Когда первый смертный — великий воин — использовал артефакт и перенесся в прошлое, чтобы спасти от казни брата, он не знал, что тому суждено стать тираном. Вернувшись в настоящее, воин обнаружил мир, погрязший в страхе и жестокости. Он осознал: никто не вправе менять нити судьбы без последствий. Воин так надежно спрятал артефакт, что его до сих пор не могут найти.

Неужели это и есть он? Тот самый артефакт, что способен разорвать ткань времени? Я взглянула на свой кулон. Теплый золотистый песок внутри будто подернулся дымкой. Если это и впрямь «Сердце Феникса», то какую цену я заплачу?

Глава 4

Час езды от портала в Нижнем Кроме — и вот оно, Ве-

ретьево. Максим Сергеевич Воронцов ехал по главной — и единственной — улице этого городка. Копыта его гнедого жеребца отбивали четкий ритм по ровной, чисто выметенной брусчатке, а не вязли в грязи. Наверно, Максиму, как князю, надлежало ехать в карете, но не любил он экипажи. Больше по душе был ветер, яростно бьющий в лицо, и верный конь, который нес хозяина к горизонту. Если бы князь мог себе позволить жить так, как хотелось — подальше от столицы, интриг дворян, надоедливых мамаш и их дочерей — в деревне, поближе к лесу и просторным полям, чтобы каждое утро лететь навстречу солнцу, Максим был бы счастлив. Но... Жизнь — она такая, не устает проверять тебя на прочность. Причем каждый раз бьет сильнее и как будто наблюдает — устоишь или упадешь.

Эх, знать бы тогда то, что знаю теперь... Обернуть все вспять, исправить ошибки... А так... Теперь он ехал лично познакомиться с купцом Горским, найдя на балу повод подойти к нему и быть представленным Алисе, дочери купца. Что князь знал о ней из доклада? Он мысленно пробежался по пунктам: восемнадцать лет, миловидна, легкомысленна. Обожает балы, в этом возрасте все девицы их любят. Предпочитает травяной чай с мятой, цветы — белые лилии. Станный выбор для юной барышни, обычно они обожают алые розы. Впрочем, какая разница? Его задача — сыграть роль, а не анализировать вкусы.

В том, что Максим вскружит голову девушке, он даже не

сомневался. Опыт у князя имелся. Главное — не дать ей увидеть, с каким отвращением он играет эту роль. Но делать нечего, княгине Орловой отказывать нельзя... Пока.

Неожиданно поднялся ветер, он смахнул с деревьев последние желтые листья и кинул их под ноги лошади. Тяжелые сизые тучи нависли над добротными двухэтажными особняками, выстроенными из темного кирпича или крепких бревен с резными наличниками. За высокими заборами виднелись аккуратные палисадники, где даже в октябре угадывались строгие линии подстриженных кустов. Свет артефактных ламп золотил витрины лавок, а за толстым стеклом красовались рулоны дорогих тканей, блестела медная посуда и даже виднелись несколько хитроумных механизмов — видимо, продукция местных умельцев.

Мимо князя, звеня бубенцами, пролетела нарядная пролетка, запряженная вороной лошадкой. Извозчик лихо правил, объезжая всадника. На тротуарах, выложенных плиткой, размеренно прогуливались барышни в модных, хоть и без столичных изысков, пальто, их кавалеры с важным видом что-то обсуждали.

Даже запахи здесь были иные — не удушливые, как в столице: из булочной тянуло ароматом свежего хлеба и сдобы, из открытой двери чайной — душистым паром заварочного чайника.

Воронцов, неосознанно расправив плечи, почувствовал, как раздражение от дороги понемногу отступает. У каждо-

го человека в этом мире свой путь и своя миссия. Что ж, пришло время князю выполнить свою. Он прищипорил коня, чтобы поскорее разделаться со встречей и вернуться в столицу. Вскоре его взгляд привлек храм, возвышавшийся в конце главной улицы на аккуратной площади. Он твердо и величественно стоял на земле, словно врос в нее каменным корнем.

Ровные стены были сложены из красного, аккуратно отесанного кирпича. Воронцов проехал мимо. Его взгляд, привыкший отмечать детали, скользнул по фасаду и замер на окнах. Вместо привычных витражей в арочные проемы были вставлены тонкие пластины из молочно-белого алебаstra, за которыми лился медового оттенка свет. Он был мягче, чем мертвенный блеск артефактов в казенных зданиях, но столь же неестественно ровный.

В древних фолиантах таились записи о том, что когда-то в храмах служили хранители огня. Их магия была не просто ритуалом, а актом сотворения: они буквально поддерживали связь между миром людей и Творцом через пламя. Зажечь Свечу — значит усилить божественное присутствие в мире, обеспечить благодать, защиту и магическую стабильность. Это была огромная честь и тяжелейшая ответственность.

Но потом один из хранителей попытался использовать силу Вечного Пламени не для служения, а для возвышения себя до уровня Творца. Это привело к магической катастрофе — огненному шторму, который уничтожил часть столицы и

унес тысячи жизней.

Император велел уничтожить всех хранителей, а огненная магия оказалась под запретом. Вот тогда, постепенно, из мира стала уходить и прочая магия. Потому что больше не было связи с Творцом. Дворяне прибрали к рукам сильнейшие артефакты, которые передавались из поколения в поколение.

Под черным сюртуком на груди у князя висел семейный защитный артефакт из агата. Он оберегал хозяина от любой опасности.

Максим натянул поводья рядом с двухэтажным небольшим зданием, которое соседствовало с лавками шляпника и цветочницы. «Вот я и на месте», — подумал Воронцов, привязывая коня к столбу. Шторм недовольно заржал. Князь любовно провел по шелковистой гриве:

— Потерпи, я постараюсь долго не задерживаться, — и толкнул тяжелую дубовую дверь.

— Какая же вы красавица, госпожа! — восхищалась служанка, шнуруя корсет.

Я повернулась к зеркалу. Ткань цвета слоновой кости с розоватым оттенком переливалась в лучах заката. По подолу тянулась вышивка — серебряные камелии с бархатистыми тенями. Каждый бутон, сотканный из шелковых нитей, будто оживал при движении. Парашка замерла, уставившись на кулон. Ее брови сдвинулись, образуя морщинку-трещинку на переносице, она, видимо, размышляла, откуда у хозяй-

ки появилось новое украшение.

Я могла бы ничего не объяснять и молча скрыть за прозрачной вуалью «Сердце Феникса». Но надо было что-то придумать, откуда взялся артефакт, чтобы избежать лишних сплетен. А если...

— Красивое украшение, — я коснулась кулона. Огонек в сердцевине камня вспыхнул ярче. — Правда?

— Да-да, барышня! — в глазах служанки блеснуло любопытство. — Это хозяин вчера в городе приобрел?

Мои губы сами собой изогнулись в кокетливой полуулыбке. «Тайный поклонник». Идеально. Пусть думает, что у меня есть ухажер, который дарит драгоценности под покровом ночи.

— О, это подарок... — я закатила глаза, изображая томление. — От тайного обожателя.

— Неужто?! — Служанка всплеснула руками, едва не уронив туфлю. Она опустилась на колени, чтобы обуть мои ноги в мягкие атласные бальные туфельки на низком каблуке, украшенные бантами из шелковых лент. — И вы... даже не догадываетесь, кто он?

— Нет, и я надеюсь, что мой загадочный кавалер окажется на балу и откроет имя, — я старалась походить на ту легкомысленную особу, которой была в восемнадцать. Еще не зная, что через месяц огонь поглотит отцовскую мастерскую, а вместе с ней — и его самого.

Парашка ахнула, завязывая ленту на моей щиколотке. Ее

восторг был таким искренним, таким... простым.

— Госпожа, вы прямо как героиня романа! — Она вско-
чила, поправляя складки платья. — А если он... принц?

Я звонко рассмеялась.

— Тогда пусть останется поклонником, — и неожиданно
горько подумала: «Купеческие дочери не становятся принцес-
сами. Потомственный князь Воронцов был так влюблен... да
только его любовь оказалась дешевле медяка».

Мои волосы Парашка уложила в аккуратную прическу с
локонами, обрамлявшими лицо, добавив белоснежные буке-
тики роз — не иначе, она выторговала их у оранжерейного
садовника. Мамино украшение, диадема с мелкими жемчу-
жинами, подчеркивала мой статус. Дела у отца шли прекрас-
но. Заказы от императорского технического общества росли,
а продажей малахита и яшмы занимался дядя Яков.

Парашка накинула на мои плечи кашемировую шаль, а по-
верх нее — легкую накидку из горноста. В октябре особен-
но важно было позаботиться о тепле, поэтому под платье на-
девался специальный утепленный корсет и несколько ниж-
них юбок из шерсти. При этом наряд оставался достаточно
легким для танцев, сохраняя все требования бального эти-
кета.

От нашего городка до столицы дорога заняла бы два дня,
а вот до города Нижний Кром — всего час. Там через пор-
тал, который работал от магических артефактов, мы быстро
окажемся у дома княгини Орловой.

Порталы — вещь дорогая, и не каждый житель страны мог себе позволить такие перемещения. Простые люди пользовались разного вида повозками, ведь даже поезда были не всем по карману.

Бросив последний взгляд в зеркало, я поспешила вниз. Спасение отца начиналось с этого бала. С улыбки, которую придется надеть как маску. С первого шага в танце, который привел к эшафоту. Но на этот раз я знала все па.

В просторном холле у окна, выходящего в сад, стоял отец. Он нервно постукивал по паркету тростью с граненым набалдашником. Его фигура в черном пальто и цилиндре выделялась на фоне заходящего солнца, лучи которого пробились сквозь ветви деревьев.

— Григорий Львович скоро должен подъехать. Глянь, нет ли его кареты... — бросил отец широкоплечему слуге Михаилу. Тот стоял чуть поодаль, выпрямившись, словно аршин проглотил, и внимательно следил за каждым словом хозяйна.

Михаил был мужчиной лет сорока с небольшим, с суровым, но добродушным лицом. Его темно-каштановые волосы слегка поредели на висках, а в глубоких глазах цвета орехового дерева читалась спокойная уверенность. Широкие плечи и крепкие руки выдавали в нем человека, привыкшего к тяжелому труду. Одет он был в ливрею — темно-зеленый сюртук с золотыми галунами и белоснежную рубашку с манжетами. На поясе у него висел небольшой кинжал

в украшенных серебром ножнах — знак того, что в его обязанности входит и охрана дома.

Услышав приказ, слуга чуть склонил голову и тут же бесшумно направился к выходу — проверить, не показалась ли карета Григория Львовича. Долгие годы службы научили его двигаться незаметно, и, хотя шаги его были твердыми и уверенными, они почти не нарушали тишины.

Едва Михаил скрылся за дверью, папа взглянул на меня, и его голос смягчился.

— Дочка, ты так похожа на маму.

Я подошла к нему, и он коснулся сухими губами моего лба.

— Жаль, что ее нет с нами, — тихо сказала я.

И в ту же секунду в памяти вспыхнул образ Максима — его надменный взгляд, холодное письмо с отречением, лживые показания в суде. Нет, я не хотела туда идти. Мысль о том, чтобы снова оказаться с ним в одном зале, вызывала тошноту от страха.

— Может... мне остаться? — тихо произнесла я.

— Нельзя не пойти, — нахмурился отец. — Княгиня Орлова прислала приглашение. Что с тобой? Ты всегда любила танцы и, когда узнала о бале у княгини, чуть ли не до потолка прыгала, а сейчас вдруг... У тебя точно нет температуры?

Его брови сошлись на переносице, а взгляд стал острым, будто он пытался прочесть мои мысли.

— Все хорошо, — я попыталась скрыть настроение за

улыбкой. — Переживаю, будет много незнакомых и важных персон.

В этот момент из коридора донесся гулкий голос Михаила:

— Григорий Львович подъехал!

— Думай о празднике, о том, что ты встретишь новых людей, — пытался приободрить меня папа, пока мы шли к входной двери, которую Михаил открыл нараспашку.

В прихожую ворвался осенний воздух, пахнувший грибной сыростью и дымом из труб. Несмотря на вечернюю прохладу, погода была замечательная. Тихая. Безветренная. Пахло опавшими листьями и мокрой землей. Я помнила, что в столице тогда был теплый вечер, и мы с Максимом вышли прогуляться в сад, чтобы остыть после танцев. Магические артефакты выделяли тепло, согревая воздух вокруг дома княгини, но мы убежали дальше, туда, где темнела беседка ... Какой же наивной я была.

Прямо возле кареты, в которую была запряжена пара вороных жеребцов с гривами, заплетенными в косы, нас ожидал Григорий Львович в модном плаще, подбитом мехом. Лошади заржали, бряцая упряжью. Михаил выбежал на улицу и распахнул перед нами дверцу экипажа. Юрки не было видно, видимо, пошел отводить коня, на котором приехал папин друг.

— Добрый вечер! — Григорий Львович весело поприветствовал нас. Его голос звучал ярко и звонко, разносясь по

тихой улице. — Алиса, ты затмишь всех барышень на балу.

«Сейчас он поцелует мою руку», — как в тумане подумала я, а сама отвечала, как по подсказке, когда вспомнились слова:

— Скажите еще, там будет столько дворянок, вот они и станут украшением торжества.

— Сними с них артефакты — и все волшебство исчезнет, — усмехнулся Григорий Львович. Его глаза хитро блеснули в полумраке.

Он помог мне подняться на подножку, бережно поддерживая под локоть. Я присела на сиденье с бархатной обивкой цвета спелой сливы. Внутри пахло яблоками — скорее всего, это Юрка положил в сетку у потолка несколько спелых плодов, от которых исходил сладкий, чуть терпкий аромат. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь окна, создавали причудливые узоры света и тени.

— Где там Юрка? — проворчал отец, когда его друг сел напротив меня. Лицо папы выражало легкое раздражение, брови слегка нахмурились. — Давай быстрее. Нам опаздывать нельзя!

— Успеем, хозяин! — звонко бросил конюх, запрыгивая на козлы. Его голос прозвучал бодро и уверенно, словно он нисколько не сомневался.

Папа устроился рядом со мной, и Михаил, пожелав доброго пути, хлопнул дверцей. Карета тронулась, подбрасывая нас на булыжниках. Я прижалась к окну, наблюдая, как мель-

кают фонари с синими стеклами — знак домов, защищенных артефактами. Их свет казался холодным и загадочным в сгущающихся сумерках.

Мужчины начали обсуждать регулятор давления: его действие и что ответит император, когда ему покажут прибор. Их голоса звучали приглушенно, то поднимаясь, то опускаясь в такт движению кареты. А я слушала их и размышляла о том, как же мне спросить у Григория Львовича про кулон.

— Сегодня ко мне в мастерскую приходил князь Максим Воронцов, — неожиданно сказал папа. Его голос вдруг стал серьезным, утратив привычную легкость.

Имя бывшего жениха вызвало внутреннюю дрожь. Пальцы вцепились в колени, сминая ткань платья.

— И что он хотел? — поинтересовался Григорий Львович. В его тоне сквозила легкая заинтересованность, но в глазах мелькнула тень беспокойства. — До сих пор не могу понять — князь, и подался в следователи.

— Он метит на место главного прокурора страны, — усмехнулся папа. — Князь, а гол как сокол.

Тогда я сочувствовала Максиму. На его плечи легла обязанность содержать мать и несовершеннолетнего брата после гибели старшего и смерти отца.

— Там ведь у Воронцовых какая-то темная история произошла с наследником, — рассказывал Григорий Львович. — Погиб при странных обстоятельствах, а старого князя хватил сердечный удар, когда он узнал о смерти сына. Мак-

симу Сергеевичу пришлось оставить воинскую службу и вернуться в столицу.

Папа не хотел, чтобы я становилась женой Воронцова, как чувствовал... Его взгляд порой становился таким тревожным, будто он видел то, что было скрыто от моих глаз. А я не слушала никого. Особенно злилась, когда говорили, что Максим женится из-за денег. Мне было плевать на сплетни и домыслы. Я так любила... его, а теперь так же сильно ненавижу. Всем сердцем!

Гнев и боль переполняли душу, и я отвернулась к окну, глядя на мелькающие тени домов, уходящих вдаль улицы. В сердце царила пустота, а в глазах стояли слезы, которые я старалась сдержать.

— Так что он хотел? — напомнил свой вопрос Григорий Львович. Его голос звучал мягко, но в нем угадывалось нетерпение, будто он хотел поскорее разгадать эту загадку.

— Сказал, по распоряжению начальства, — вздохнул отец. — Что-то вроде проверки — установили ли мне артефакты.

— Разве этим занимаются следователи? — удивленно воскликнул папин друг. Его брови взлетели вверх, а глаза широко раскрылись, выдавая искреннее недоумение.

— Вот и я удивился, — ответил отец, покачав головой. В его взгляде мелькнула тень растерянности. — Но зато теперь мы знакомы...

«Не просто он так приезжал. А для чего? Обследовал об-

становку? Знакомился с отцом?» — кружились мысли в моей голове, словно листья в осеннем вихре.

И тут воспоминание сверкнуло как молния: Воронцов подошел к папе на балу и был представлен мне. Как бы между прочим... Я держала в руках книжку для записей, и пальцы слегка дрожали от волнения. С восторгом, который затмил разум, я внесла имя князя напротив трех танцев. Тогда мне казалось, что это начало чего-то великого, а теперь... я знаю, это был шаг в пропасть.

— Пусть я не особо доверяю слухам, которые ползут по городу, но слишком много говорят о «старых предрассудках», — неожиданно тихо проговорил Григорий Львович. А я встрепенулась. Сейчас эти слова звучали для меня по-другому. — Император поддерживает прогресс, но даже он не может отменить опасения. Каждый день кто-то из древних родов пытается убедить его наложить запрет на создание аналога артефакта.

— Они все еще помнят «Молчаливую Пустошь», — сказал отец, и в его голосе прозвучала несвойственная ему горечь. — И боятся, что любая искра прогресса может привести к новому «Пламени Гордыни».

Слова повисли в воздухе, тяжелые и зловещие. «Молчаливая Пустошь», «Пламя Гордыни»... Я видела эти названия в учебниках истории, в обрывках разговоров — что-то далекое, почти мифическое, пыльная хроника давно минувших дней.

Глава 5

Дверь захлопнулась глухо и резко, словно отрезав все связи с внешним миром. Последние звуки отъезжающей кареты утонули в гулком эхе прихожей. В доме воцарилась та особая, звенящая тишина, что наступает после бури. Эта буря пронеслась в виде сборов барышни на бал — суматохи, шепота, стука каблучков и шуршания юбок.

Парашка прислонилась лбом к холодному, чуть запотевшему стеклу окна в прихожей. Ее взгляд неотрывно следил за тем, как тень экипажа медленно таяла в густых, почти чернильных вечерних сумерках. Ворота закрылись, и Михаил повесил на них замок с защитным артефактом внутри. Уехали... Барышня, Арсений Петрович, Григорий Львович и Юрка... Остались они.

«Они» — это она, Михаил да тетка Дарья, повариха. Дом, обычно наполненный шорохом бумаг из кабинета хозяина и звонким, словно колокольчик, голосом Алисы Арсеньевны, будто выдохнул и замер. Лишь ровный, едва уловимый гул артефактной системы напоминал, что жизнь все еще течет в этих стенах.

— Ну что, Парашенька, стоять тут будем до утра? — раздался за ее спиной спокойный, глубокий голос Михаила. Он говорил всегда размеренно, с легкой хрипотцой, будто давно уже надсадил грудь.

Парашка вздрогнула, невольно отпрянув от окна. Ее сердце забилось быстрее, и она спрятала вдруг задрожавшие руки

в карман передника. Михаил оперся на косяк двери, убрав руки в карманы брюк. Его лицо, обычно невозмутимое и чуть суровое, сейчас выражало тихую усталость.

— Просто... задумалась, — соврала Параша, чувствуя, как предательский румянец заливает щеки. Ее голос дрогнул, выдавая волнение.

Михаил молча кивнул, внимательно взглянув на служанку. Иногда Парашке казалось, что этот молчаливый великан видит все ее тайны насквозь. И вот... сейчас он тоже знал, какая тайна камнем лежит у нее на сердце и не дает вздохнуть. Свободно. Глубоко. Полной грудью.

— Иди-ка на кухню. Дарья, поди, пирожки с капустой уже вынула, — сказал Михаил. Затем, развернувшись, своей бесшумной походкой направился обратно вглубь дома — проверить закрытые окна и черный вход.

Парашка последовала за Михаилом, вернее, за ароматом, что манил из глубины коридора. На кухне пахло домашним теплом: свежим хлебом, пряным тмином и чем-то безоговорочно родным. Тетка Дарья — дородная женщина с добрыми, умными глазами, в которых светилась искренняя забота, — расставляла на столе глиняные миски. Ее движения были спокойными, уверенными, словно она исполняла некий священный ритуал.

— А, пришла наша голубушка! — повариха улыбнулась Парашке, и морщинки у глаз разбежались лучиками. Она вытерла руки о фартук, как делала всегда, прежде чем подать

на стол. — Садись, родимая, поди, набегалась, пока барышню собирала. Отдохни немного.

Парашка машинально уселась на табуретку у печи. Тепло от теплого кирпича согревало спину. Дарья поставила перед ней пышущий паром пирожок и кружку душистого чая из самовара.

— Беспокоишься о барышне? — спросила она, угадав причину тревоги Парашки. — Не ровен час, опять припадок у нее случится, как недавно у мастерской. Мне Юрка рассказывал, как барышня накинута на хозяина и как закричала не своим голосом: «Жив!» А потом начала смеяться, а слезы из глаз в три ручья.

Дарья покачала головой и, понизив голос, добавила:

— Глядела я на нее сегодня — не в себе девица.словно неживая, как тень по дому бродит. А глаза... взрослые очень. Не по годам. Будто что-то страшное с ней произошло.

— И правда, Алиса Арсеньевна всегда такая веселая и ласковая, а тут... — тихо пробормотала Параша, а у самой горло свело от подступившей горечи.

«Если бы ты знала, тетя Дарья, если бы ты только знала...» — пронеслось у девушки в голове. Она отломил кусочек пирожка, но есть расхотелось.

Параша не желала предавать Горских. Никогда. Этот дом стал ей роднее той убогой лачуги на окраине, где она родилась. Девушка помнила, как мать, худая и изможденная, привела ее сюда семь лет назад, умоляя Арсения Петровича

взять девочку в услужение.

— Возьмите, господин, девочка работающая, сирота... Отец на рудниках погиб... — голос матери дрожал, в нем слышались слезы и отчаянная надежда.

Арсений Петрович посмотрел на Парашу не сверху вниз, а как-то по-отечески, с легкой грустью в глазах.

— Читать умеешь? — спросил он мягко.

Девочка испуганно покачала головой. Ее руки дрожали, а в глазах застыл страх.

— Научим, — просто сказал он. — В нашем доме стыдно быть неграмотной.

В этих словах Парашка почувствовала не только обещание, но и какую-то особую теплоту, которая навсегда связала ее судьбу с этим домом.

И научили.

Барышня Алиса, тогда еще резвая девчонка с яркими голубыми глазами и задорной улыбкой, делилась с ней книгами и конфетами. Здесь ей не совали объедки со стола — каждый прием пищи был полноценным, а еда — вкусной и сытной.

Было с чем сравнить Параше. До этого она тоже работала в доме одного купца... Рыжего такого. Крутов фамилия. Так там ее не только могли оставить без ужина, но и огреть по спине палкой. Параша тогда еле месяц отработала, и когда получила два медяка, горько заплакала. Вернулась домой, а там шаром покати. Матери жалования швеи еле хватало, чтобы прокормить себя и младшего... Ванечку. Вот и

пришлось Парашке снова идти в услужение, только повезло ей на этот раз.

Тетка Дарья, как увидела худющую девчонку, всплеснула руками и взялась Парашку откармливать. Она готовила густые наваристые супы, пышные пироги с румяной корочкой и сладкие каши. Вскоре худенькие щечки Парашки налились румянцем, а фигурка стала статной и округлой. Именно в этом доме Параша впервые почувствовала себя не обузой, а человеком. Она словно ожила, начала смеяться и мечтать о будущем. И друг у нее появился. Юрка, сын поварихи.

А потом пришел Он.

Это случилось неделю назад. Парашка отпросилась на рынок за нитками — тонкими, шелковыми, нужными для перешива платья, которое Алиса Арсеньевна ей отдала. Платье было старомодным, но из хорошей ткани, и Параша мечтала его переделать, чтобы оно сидело на ней идеально.

Возле лавки специй к ней подошел невысокий господин в черном плаще и цилиндре. Из-за длинного носа незнакомец походил на гончую. И взгляд такой пронзительный, что сразу захотелось отвернуться. Господин криво улыбнулся, обнажив мелкие, неровные зубы.

— Параша, — сказал он тихо, и у девушки отчего-то кровь застыла в жилах. Откуда незнакомец знал ее имя? — Мы приглядываем за твоим братом Ваней в приюте. Теперь ему кладут порцию побольше и поближе подвинули кровать к печи. Одежонку теплую выдали.

Девушка онемела от ужаса. Ваня, ее младший брат, единственная родная кровь... После смерти матери он был определен в казенный приют. Параша откладывала с жалования, чтобы навещать Ванечку. Забрать его из приюта казалось невозможным. Слишком сложная для нее процедура: требовалось официальное ходатайство, деньги, да и связи.

А просить Арсения Петровича о помощи Параша не смела. Считала это наглостью. Она и так была бесконечно благодарна, что ее саму приютили, обучили грамоте, относились к ней по-человечески. Параша боялась разрушить то доброе отношение, которое у нее сложилось с Горскими.

— Ваня будет в полной безопасности, — продолжал господин, играя тростью с набалдашником в виде совы. — Если ты будешь помогать нам.

Параша встрепенулась, чувствуя, как дурное предчувствие все сильнее сдавливает грудь. Так сильно, что дышать стало невыносимо.

— Просто будешь смотреть и слушать. Наблюдать за хозяином и его дочерью. Если что-то покажется тебе... подозрительным — слова какие или действия, а может, услышишь что-то или увидишь, что никто не должен был заметить, ты сообщишь нашему человеку. Он будет приносить молоко по утрам и задавать тебе вопрос. Твой ответ — это и будет весточка.

Господин не угрожал напрямую, но в его голосе была такая жесткая непреклонность, что сомнений не оставалось:

ослушаешься — Ваню больше не увидишь.

— Параша? Ты меня слышишь? — Дарья потрясла ее за плечо. — Ты что такая печальная?

Парашка моргнула, отгоняя набежавшие слезы.

— Да так... Вспомнила братца, — прошептала она, стараясь сдержать дрожь в голосе.

— Ванечку? — лицо Дарьи смягчилось, в глазах мелькнула жалость. — Не горюй, вырастет, в люди выйдет. Может, и хозяин ему потом место какое подыщет, в подмастерья...

Повариха не знала. Никто не знал. Этот груз был только... ее.

Вошел Михаил, снял ливрею и развязал крахмальный воротничок.

— Хорошо, тихо так, — произнес он, садясь за стол. Его массивная фигура внушала странное спокойствие. — Дом на замке. Никто не побеспокоит. — Он щелкнул большим пальцем о средний, извлекая тихий, шелкающий звук, — его фирменный жест, означавший, что дело сделано и можно выдыхать.

Парашка смотрела на них — на добрую Дарью, на надежного, как скала, Михаила — и чувствовала себя последней дрянью. Они были частью этой семьи. А она... она была змеей, которую пригрели на груди.

«Я не хочу предавать, — отчаянно твердила Параша про себя, сжимая под столом кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. — Не хочу!»

Но тут же перед глазами вставало бледное, испуганное лицо Вани. Его последние слова при их встрече: «Сестрица, когда ты заберешь меня отсюда? Здесь страшно...»

Что же ей делать? Выбрать между братом и людьми, которые стали второй семьей? Любой выбор — это предательство.

Параша встала, сделав вид, что у нее слипаются глаза. Зевнула.

— Я... я пойду, постели проверю и сама прилягу, — проворчала она и выбежала из кухни, не в силах выносить их спокойные, доверчивые лица.

В коридоре девушка прислонилась к стене, пытаясь перевести дыхание. Грудь распирало от отчаяния. Сегодня приходил низкорослый крепкий мужчина. Сунул бутылку молока и жестко, без предисловий, спросил:

— Есть новости?

У Парашы язык к небу прилип, и она лишь покачала головой. Не смогла рассказать о странном поведении Алисы Арсеньевны и о кулоне... не смогла. Хотя стала у барышни выведывать, откуда кулон взялся. Алиса Арсеньевна заметно занервничала и побыстрее спрятала подарок под прозрачной вуалью.

Кулон был непростым, Параша чувствовала это кожей. Он не просто притягивал взгляд — он будто зов издавал, тихий и настойчивый. Так хотелось к нему прикоснуться, ощутить твердый, холодный камень подушечками пальцев. Обычные

артефакты так не манили, их присутствие ощущалось как ровный гул или легкое покалывание. А в этом было что-то... древнее? Зовущее? Словно эхо из другого времени. Параша не могла подобрать слов, чтобы описать смутное, но сильное ощущение.

— Помни, пока твой брат сыт и в тепле, — бросил на прощание «молочник».

«Я в ловушке!» — с ужасом подумала Параша, чувствуя, как невидимая петля затягивается на ее горле. Как в тумане, она двинулась к лестнице. С каждым часом, с каждым днем эта петля становилась все туже. И выхода не было.

— Готовься, Алиса, — тихо произнес отец, его пальцы легли на мою руку в перчатке, сжимавшую сумочку. — Через четверть часа будем у портала. Если снова станет плохо, сосредоточься на дыхании.

Я кивнула, стараясь не думать о предстоящем перемещении. Они всегда вызывали тошноту и головокружение, пусть и мимолетные. Прислонилась к прохладному стеклу, наблюдая, как за окном мелькают первые дома Нижнего Крома. Скромные невысокие избушки с резными наличниками сменились внушительными купеческими особняками с лепниной и арочными окнами. Я приоткрыла окно, чтобы вдохнуть полной грудью, и в карету ворвался особый запах — смесь речной свежести, древесного дыма и чуть терпковатой осенней листвы.

Мост через реку Аквила сверкал в закатных лучах, рассекая темную воду. На том берегу, в клубах октябрьского тумана, уже маячила наша цель — портал: гигантская арка из черного гранита, обвитая бронзовыми шестернями, которые медленно поворачивались с ленивым, мерным скрипом.

Карета, грохоча колесами по булыжной мостовой, свернула на главную улицу. В тусклом свете артефактных огней дома казались еще величественнее. Затейливая лепнина и чугунные узоры на их фасадах отбрасывали длинные, искаженные тени. Ветер, пронизанный октябрьской сыростью, доносил обрывки разговоров, скрип телег и далекий, тоскливый вой сторожевых псов с пристани.

Мы проехали мимо торговой площади — даже в сумерках там кипела жизнь: купцы в теплых плащах о чем-то жарко спорили, а у фонтана, украшенного фигурами русалок, толпились парочки. Их смех, звонкий и нервный, долетал до меня сквозь стук копыт и скрип колес.

Карета замедлила ход, сворачивая в узкий, темный переулок, служивший короткой дорогой к мосту. Здесь дома стояли теснее, их окна смотрели друг на друга, будто перешептывались о чем-то тайном. В одном из них, на втором этаже, мелькнул силуэт — кто-то прильнул к стеклу, следя за нашим проездом, но тут же отпрянул, скрывшись в полумраке комнаты. Кто это мог быть? Любопытный жилец? Или один из членов Ордена? Если убийство папы должно произойти через месяц, могли за ним уже следить? Вполне.

Юрка щелкнул хлыстом, подгоняя коней, и карета влетела на мост. Я невольно глянула вниз на реку: ее черная вода дышала паром, огни барж колыхались в темноте, так похожие на светлячков. А впереди перед нами быстро рос портал. Шестерни скрипели, поворачиваясь с тихим шипением, а в арке клубилась мгла, прошитая молниями; они бились в ее нутре, как плененные змеи.

— Тпру-у! — крикнул Юрка, и его голос сорвался на фальцет от напряжения. Лошади, фыркая, сбавили бег. Колеса скрежетали по булыжникам, будто не желая подчиняться.

У портала толпилось больше двадцатки экипажей. Золоченые кареты с гербами дворян из Веретьево и Нижнего Крома, экипажи купцов и скромные коляски зажиточных мещан. Все отправлялись в столицу по приглашению княгини Орловой. Оставалось встать в очередь и набраться терпения, наблюдая, как передние экипажи один за другим исчезали в kloкочущей мгле, поглощаемые ею беззвучно и бесследно.

— Орлова — одна из тех, кто выступает против замены магических артефактов, — вдруг сказал отец, не отрывая взгляда от шестерен, которые пыхтели, поворачиваясь в ритме гигантских часов. — Ее можно понять: все порталы в стране работают от орловских артефактов.

— Убытки она хорошие понесет и не только она, — мрачно заметил Григорий Львович.

— Орлова наверняка знает, что ты занимаешься разработкой замены, — промолвила я, и в голове само собой всплыло лицо княгини с будто выточенными резцом чертами и высокими скулами. Медные волосы, тронутые благородной сединой, были уложены в сложную прическу, напоминающую корону. И во всей этой безупречности — в неподвижном взгляде, в напряженной линии губ — сквозила властность. Доказательств против нее не нашлось, но кто, как не она — один из столпов старого уклада — имеет и власть, и причины желать отцу смерти? А вообще, любого аристократа возьми — все они были против замены артефактов.

Отец удивленно взглянул на меня. Наверное, не ожидал от дочери подобных размышлений.

— Узнали все, кто хотел, — он натянуто улыбнулся, поправляя цилиндр. Его взгляд скользнул за окно, к portalу, чьи шестерни начинали поворачиваться с новым, тревожным скрежетом. — Эх, главное, чтобы на обратном пути этот портал не заглох, как в прошлом месяце. Торговля замерла, а у Якова тогда чуть сделка не сорвалась. Полгорода просто-яло без перемещений. Все из-за того, что кто-то «случайно» повредил питающий артефакт.

— И без свежего столичного вина, — добавил Григорий Львович, пытаясь разрядить обстановку. — Вот это была бы настоящая трагедия.

Загрохотали шестерни, и портал вздрогнул, выпустив в небо спираль искр. Очередь сдвинулась, увлекая нас на-

встречу арке, где время пахло сталью и грозой. Я невольно глубоко вдохнула и прикрыла глаза. Папина рука сжала мои пальцы сильнее. Мне так не хватало его поддержки... целых три года.

Глава 6

Мироград мне всегда казался немного мистическим городом, особенно в октябре. Когда шпили храмов пронзали свинцовое небо, а над водами Странницы висел дымчатый туман.

Проспект Двух Лун даже в вечернее время кишел людьми. Среди извозчичьих пролеток скользили бедные алхимики в потертых черных одеяниях, торгуя сомнительными зельями. Фонари освещали проспект, бросая длинные тени на каменную брусчатку.

Мы ехали мимо особняков с витражами, закрытых лавок, трактиров, откуда лились звуки музыки и доносился запах жареного мяса — все как три года назад.

«Ничего не изменилось», — с горечью подумала я, глядя, как солнце окрашивает купол храма в медно-рыжий цвет. Мироград, столица нашей страны, останется прежним, а вот я... нет. Судьба непредсказуема и капризна. В одно мгновение она сделала меня изгоем, а потом отправила на костер.

Эти мрачные мысли вихрем пронеслись в голове, когда карета свернула на Дворцовую набережную. Я замерла, сжав веер. В темном окне отражалось мое бледное лицо в обрамлении локонов. «На этом балу я металась как мотылек у лам-

пы. Теперь каждый шаг должен быть продуман. Я разобью вечер на этапы: сначала — наблюдение, затем — осторожные беседы, а потом... танец с Воронцовым. Только бы сдержаться. Смогу? Должна».

— Ты такая тихая, Алиса. Все в порядке? — обеспокоенно спросил отец, словно угадав мои переживания.

— Волнуюсь, вдруг моя танцевальная книжечка останется пустой, — соврала я, пряча истинные чувства за легкой шуткой.

— Ты затмишь всех, — Григорий Львович ободряюще подмигнул. — На один танец я уже заранее претендую.

— Хорошо, — ответила я, а сама невольно подумала: «Откуда вы взяли “Сердце Феникса”? Почему вручили кулон мне лишь в тюрьме, а не три года назад?» Я поймала на себе его спокойный взгляд и отвела глаза.

Я снова и снова размышляла о Григории Львовиче. С одной стороны, мне следовало доверять другу отца, но с другой — теперь в каждом я видела тень Ордена. И все же обвинить его было не в чем. Он часто навещал меня после пожара, единственный, кто с вниманием относился к моим подозрениям и ни разу не высмеял мои предположения о «Черном Фениксе». Стоп. Мысль крутилась, а я никак не могла ухватить ее за хвост. Что-то лежало прямо перед носом, какая-то деталь, а я не видела ее... Проклятие!

Карета неожиданно замедлила ход, прервав мои размышления. Впереди, за чугунной оградой с позолотой, возвы-

шался дом княгини — трехэтажный, с колоннами, увенчанными каменными грифонами. Окна горели неестественно ярким, почти белым светом — верный знак, что здесь использовались не общественные, а мощные родовые артефакты.

У подъезда царила оживленная суeta. Выстроилась вереница карет, из которых выпархивали дамы в шелках и бархате, а кавалеры в мундирах и фраках величественно шествовали к парадному входу. Лакеи в темно-красных ливреях суетились, открывая перед гостями двери особняка.

Воронцов где-то здесь. Я чувствовала это. «Что ж, в этой реальности я разобью ему сердце», — мстительно подумала я. Не стоит забывать, глядя в зеленые глаза бывшего жениха, что именно он выдвинул жестокое предложение о приговоре — сжечь меня на костре.

Наконец наша карета остановилась, и лакей распахнул дверцу. Холодный ветер, пропитанный запахом реки и горьковатой хвоей из княжеского сада, ворвался внутрь. Я поправила шпильку в волосах, прежде чем шагнуть на подножку и плавно спуститься.

— Ну, вот мы и прибыли. Говорят, княгиня устраивает поистине великолепные приемы, — заметил Григорий Львович, поправляя плащ.

— Ты так говоришь, будто присутствовал на них, — хмыкнул папа, предложив мне руку, и мы двинулись к входу, откуда из широко раскрытых дверей лился свет.

— Слышал от Лебедева, он так расхваливал, — произнес Григорий Львович.

Переступив порог, я на мгновение ослепла. Хрустальные люстры, заряженные магией, сияли так, что больно было глазам. Это были не тусклые муниципальные огни, а изделия столичных мастеров. Но за их яркой роскошью я ощущала нечто большее — мощный, ровный гул родовых артефактов, что витал в воздухе, сливаясь с музыкой и гомоном гостей. Здесь смешались дорогие духи, ароматы трав и что-то еще — острое, металлическое, щекочущее ноздри. Возможно, это и была аура самой власти?

Лакеи суестились с вешалками, принимая плащи и норковые палантины. Мы замерли на мгновение у подножия лестницы, по которой уже струился ручеек гостей. В зеркале, обрамленное массивной рамой из бронзы, мелькнуло мое отражение с раскрасневшимися от прохладного осеннего воздуха щеками. Парашка постаралась на славу, прическа была великолепна, и ни один волосок не выбился из нее. «Сердце Феникса» словно подыгрывало мне. Его сияние и тепло ослабло под прозрачной вуалью, теперь оно походило на простое украшение.

— Арсений, запомни, сегодня — никаких споров о политике с Лебедевым. Только светские любезности. Нам нужны его связи, а не его злость, — прошипел Григорий Львович.

— Постараюсь, — вздохнул отец. — Но если он начнет очернять работу мастеров... Павел Русланович хоть и под-

держивает идею императора, но не особо верит, что кто-то способен создать замену артефактам. Считает, что государство выбрасывает деньги на ветер, поручив задание нам.

«А еще он вор!» — подумала я, жаль, что не могла сказать этого вслух.

Поднявшись по лестнице, мы направились к княгине Орловой, которая встречала гостей у входа в бальный зал. Ее рыжеватые с проседью волосы были уложены в башню из локонов и увенчаны диадемой с лунным камнем — тем самым, что добывали в рудниках для императорской семьи. Платье хозяйки из серебристо-серого гроденапля переливалось холодным блеском.

— Ваше сиятельство... — отец склонился в поклоне, я сделала реверанс и услышала, как Григорий Львович шаркнул ногой.

Тихий голос княгини заставил меня внутренне застыть.

— Арсений Петрович, рада лично с вами познакомиться, — произнесла она и устремила пронзительный взгляд на меня, ее губы тронула ледяная улыбка. — Рада видеть и вас, Алиса Арсеньевна. Ваш отец — человек смелых идей и достоин восхищения.

Княгиня едва заметно кивнула, разрешая нам пройти дальше.

«Она состоит в Ордене. Сомнений нет», — пронеслась мысль и следом другая, отчаянная: «И как я буду с ней бороться? Да ей стоит щелкнуть пальцами, и для меня сложат

новый костер».

Мы переступили порог бального зала, и перед нами открылось огромное помещение. Каждая деталь — от сияющих сводов до позолоченных колонн — мерцала в свете сотен артефактов. Мой взгляд заскользил по залу, выискивая знакомую мужскую фигуру, чувствуя, как сердце наполняется тревогой.

Я заставила себя улыбнуться и сделать вид, что очарована зрелищем. «Маска легкомысленной барышни», — мысленно приказала себе, взмахнув веером.

И тут ко мне подошла первая волна кавалеров. Словно мотыльки на огонь, они потянулись к дочери знатного мастера. Первым был отставной поручик Менжинский, с румянцем во всю щеку и слишком торопливым поклоном.

— Алиса Арсеньевна! Какая радость видеть вас вновь в Мирограде. Позвольте надеяться, что в вашей книжечке найдется место?

Он почти выхватил у меня из рук перламутровый аксессуар с карандашиком на шелковом шнурке.

— Конечно, — ответила я, заставляя губы тронуться легкой, беззаботной улыбкой, которой от меня ждали.

Пока Менжинский старательно выводил свою фамилию, я чувствовала на себе новые взгляды. Вот уже образовалась небольшая очередь. Сыновья купцов. Знакомые офицеры. Кто-то смущался, кто-то строил из себя галантного кавалера. Все они видели лишь юную девицу в бальном платье.

Я кивала. Улыбалась. Благодарила за комплименты. Мои движения были плавными, а взгляд — томно-рассеянным. Внутри же все сжималось в комок. Каждый шаг, каждое слово — все ради одной цели. Я мысленно сортировала кавалеров: кто искренен, а кто может стать пешкой в предстоящей игре? Чью благосклонность стоит принять, а чью — осторожно отвергнуть?

— Барышня Горская? Иван Степанов, к вашим услугам, — склонился сын владельца пароходства.

— Очень приятно, — проронила я, протягивая ему книжечку.

Он записывался, а я ловила обрывки разговоров, скользила взглядом по залу, выискивая в пестрой толпе знакомую фигуру Воронцова. Его еще не было видно, но я знала — он здесь.

Павел Русланович Лебедев наблюдал за гостями в тени у колонны. Зал пылал огнями, звенел смехом и шелестом платьев, а в его глазах отражалась лишь холодная скука. Богатые мещане и купцы чуть ли не падали ниц перед Орловой, что вызывало презрительную усмешку у советника, и он уже привычным, отточенным жестом подкрутил кончик уса. В этот момент он и увидел Воронцова. Максим появился в толпе словно тень — его фигура выделялась среди пестроты гостей сдержанным, почти мрачным видом. Он бросил на Лебедева быстрый, чуть колющий взгляд и сразу направился к

нему.

— Добрый вечер, Павел Русланович, — высказал князь свое вежливое расположение. Его голос звучал ровно, но в глазах мелькнуло что-то настороженное.

Он всегда казался Павлу темной лошадкой. Слишком быстро согласился на требования княгини. И задания ему пока давали простые — наблюдение, добыча информации. Но вот новая цель — Алиса Арсеньевна Горская — это было уже посерьезнее.

— Здравствуйте, князь, — Лебедев усмехнулся. — Готовы к сближению с юной Горской? — Он понизил голос до интимного шепота, полного подтекста. — Задание у вас, я погляжу, весьма... приятное. Не чета моим скучным хлопотам.

— Со мной вели разговор о знакомстве и о том, как вскрыть голову барышне, — неожиданно строго произнес Максим, не поддержав шутливый тон советника. — На иные условия мое согласие не распространялось бы, — добавил он твердо.

— Ах, да я все время забываю, как вы благородны, — Павел слегка качнулся с пяток на носки, в его голосе прозвучала легкая насмешка. — Мне даже уже интересно... Как долго вы продержитесь в роли порядочного кавалера?

Воронцов взглянул на него с легким прищуром.

— К чему такой интерес к моей персоне? — тихо, но жестко парировал Максим. — Я считал, что мы с вами по одну

сторону баррикад, а выходит...

И князь многозначительно замолчал, словно давая понять, что слова здесь излишни.

Лебедев хмыкнул, в его взгляде промелькнуло лукавство.

— Ну, полно вам, не обижайтесь, — отмахнулся Павел. Все эти князья — такие обидчивые. С Орловой, кстати, шутить и вовсе опасно. — Скоро появится ваша барышня. Мне уже доложили, что карета Горского подъезжает к дому княгини.

Максим чуть заметно напрягся, в его глазах вспыхнул огонек нетерпения.

— Отлично! — коротко ответил он, будто уже мысленно был далеко отсюда.

Лебедев наблюдал за ним с нескрываемым любопытством. Бесстрастная маска на лице князя была почти идеальна. Его выдали поджатые губы и едва уловимое напряжение в плечах.

— Помните, князь, — снова вкрадчиво заговорил Лебедев. — Дело не только в том, чтобы вскружить голову барышне, нужно завоевать ее доверие. Стать тем, с кем она захочет делиться сокровенным. Ваша задача — найти ключик к ее тайнам. Княгиня будет ждать результатов.

Воронцов медленно повернул голову в его сторону. Его зеленые глаза, казалось, пронзили Павла насквозь.

— Я прекрасно осведомлен о своей задаче, советник. Прошу меня извинить, — князь резко развернулся и напра-

вился в противоположную сторону.

Павел заметил графа Чернышова, они с Воронцовым были друзьями. «И все-таки не понимаю я Марину Алексеевну, — подумал советник. — Зачем она так близко подпустила князя? Вот чую... подложит он нам свинью...»

— Дорогой Павел Русланович, — раздался слишком любезный голос Фролова. — Позвольте познакомить вас с моей семьей.

Купец чуть ли не челом ударил в пол, а потом подтолкнул вперед полную щекастую даму, которая в пышном платье походила на «самоварную бабу». А вот дочка... Павел слегка прищурился: «Хм, хороша». А после иронично подумал: «Фролов слишком высоко решил забраться».

От пристального взгляда советника девушка зарделась.

— Осталось ли в вашей бальной книжечке место? — вкрадчиво поинтересовался Лебедев. Он сейчас напоминал хищника, который притаился в засаде и наблюдал за жертвой. Осторожно, чтобы не спугнуть чуткую лань.

— Какая честь для нас, — промолвила купчиха Фролова, довольно кряхтя.

— Да, — взволнованно произнесла Лилия, раскрывая изящный серебряный аксессуар.

— Мне очень повезло, — советник продолжал смущать купеческую дочь. Для него это был всего лишь разминочный этюд перед главным действием, и в его голове уже рисовался беспощадный план в отношении такой свежей барышни.

Всякая пешка может когда-нибудь пригодиться.

В этот момент церемониймейстер громко, на весь зал, объявил:

— Арсений Петрович Горский с дочерью Алисой Арсеньевной!

Лебедев с наслаждением выдохнул. Представление началось. Семейство Фроловых последовало дальше, а советник отступил еще глубже в тень колонны, готовясь наблюдать за первым актом этой тщательно спланированной драмы.

Глава 7

— Ты не изменяешь себе, — с легким смешком хлопнул по плечу Александр Чернышов. — Даже на торжественное событие оделся в черное.

— Привычка, — с едва уловимой иронией в голосе усмехнулся Максим, слегка наклонив голову. Его темный костюм резко контрастировал с яркими нарядами других гостей.

— У военных редко бывают праздники, — заметил князь, деликатно указав взглядом на полного аристократа. Тот, облаченный в белоснежную форму с блестящими эполетами, оживленно беседовал с другим генералом. Их дочери, стоявшие неподалеку, старались держаться с безразличием, но восторженное любопытство так и сияло в их глазах, несмотря на все усилия сохранять невозмутимый вид.

— Наши генералы в белой форме, — добавил граф, внимательно наблюдая за аристократом.

— Для офицеров, не нюхавших пороха, белый мундир —

обычное дело, — пожал плечами Воронцов. — На передовой белый китель демаскирует лучше знамени. Впрочем, для службы при штабах — самое то.

Максим не любил такие мероприятия. Его взгляд скользил по залу с легким раздражением. Танцы, разговоры ни о чем... Он ощущал себя здесь не в своей тарелке. «Скорее бы уже появилась Горская», — мысленно повторил он. Станцевать с ней три положенных танца, и можно покинуть бал со спокойной совестью.

— Ты кого-то ждешь? — удивленно спросил Александр. Его высокий рост и широкие плечи делали его фигуру внушительнее поджарого Воронцова. Граф с любопытством смотрел на друга. — Неужели у Максима Сергеевича наконец-то появилась дама сердца? — с легким сарказмом в голосе продолжил Александр. — Имя! Я требую ее имя!

Чернышов тихо рассмеялся и тут же почтительно кивнул двум молодым дамам, которые прошли мимо, украдкой бросив взгляды в сторону мужчин.

Максим неожиданно подумал, что любил только раз и очень давно. И то его отвергли, а потом были лишь увлечения да служба, пока не произошло несчастье в их семье. Князю пришлось вернуться домой... Как же все просто было на границе. Есть задание — ты его выполняешь. Знаешь, что плечо товарища всегда поддержит, а спину прикроют. В столице же легко увязнуть в дворцовых интригах. Вот он и влез...

— Кстати, видел, как ты с Лебедевым шептался, — сменив шутливый тон на более серьезный, продолжил Чернышов. — Опять по своим «следовательским» делам? Или что-то посерьезнее?

Максим нахмурился, его взгляд на мгновение стал отрешенным. Он ненавидел эти игры, и Александра обманывать не хотелось, но...

— Да, по делу, — ответил Воронцов.

— Смотри, Максим, не увязни, — предупредил Александр, и в его голосе впервые прозвучала неподдельная тревога. — Лебедев — скользкий тип.

— Я в курсе, — мрачно бросил князь. — Но пока он мне нужен. Один я не найду... — он запнулся, не желая высказывать вслух свои главные подозрения даже лучшему другу.

— Не найдешь того, что ищешь, — закончил за него Чернышов. — Понимаю. Но будь осторожен. Играешь с огнем.

Максим и сам это понимал. Да вот только иначе не подобраться.

— Арсений Петрович Горский с дочерью Алисой Арсеньевой!

Раздался громкий голос церемониймейстера. Князь взглянул на вход в зал и замер. В дверях, озаренная светом артефактов, стояла она, Алиса Горская. Девушка держала под руку отца, а рядом шел еще один мужчина с большими, навывкате глазами и слегка подпрыгивающей походкой.

Было заметно, с каким достоинством и грацией двигалась

Алиса Арсеньевна. Она явно не походила на легкомысленную особу, чей портрет князь мысленно уже нарисовал в голове по сухим строчкам доклада. Платье цвета слоновой кости оттеняло фарфоровую бледность кожи, а в темных волосах, уложенных с изящной простотой, поблескивала скромная жемчужная диадема.

— Хороша... — невольно вырвалось у Чернышова. — Правда, холодна, как зимнее утро. Ее ты высматривал? Горскую?

Максим кивнул, не отрывая взгляда. Внутри у него все странно сжалось, словно он собирался прыгать с горы в глубокие воды Странницы. Князь ожидал увидеть восторженную провинциалку, которую легко ослепить столичным лоском. Горская оказалась другой — холодной, неприступной, окутанной тайной, и она притягивала взгляд. Легкая насмешливая улыбка, с которой Воронцов готовился играть свою роль, замерла на его губах.

— Да, — тихо ответил Максим. — Это она.

Князь наблюдал, как Алиса принимает поклонников. А когда один из офицеров, записавшись на танец, попытался задержать ее руку чуть дольше положенного, Алиса извлекла пальцы с таким безупречным, ледяным изяществом... «Неожиданно, — мелькнула мысль у князя. — Она могла бы с легкой кокетливой улыбкой поставить офицера на место, а здесь — полное безразличие».

— Снежная королева вряд ли удостоит тебя взглядом, — с

приятельским злорадством заметил Чернышов. — Хочешь, представлю? У меня есть опыт, как смягчить сердце любой дамы.

— Не надо, — отрезал Максим неожиданно для себя самого. Его азарт охотника, дремавший до этого момента, вдруг проснулся. — Я справлюсь сам. Мы же с ее отцом знакомы.

Он четко видел свою цель: подойти к Арсению Петровичу, обменяться парой светских фраз и под этим предлогом обратиться к его дочери — как старый знакомый ее отца, а не как навязчивый поклонник. Это была безупречная тактика. Максим уверенно шагнул вперед, но в этот момент к группе Горских подошло семейство купца Фролова. Князь замедлил шаг, чтобы успеть свернуть и не выглядеть глупо.

— Эй, куда ты прешь как на штурм? — раздался рядом веселый голос Чернышова. Александр легко догнал его. — Я смотрю, ты настроен серьезно. Не позволишь составить компанию? Мастера Горского я тоже знаю, заодно и представлюсь его прелестной дочери. Двух птиц одним выстрелом, как говорится.

Максим с легким раздражением покосился на друга, но мысленно признал, что тот не испортит, а, возможно, даже облегчит ему задачу. С Чернышовым любая, даже самая неловкая ситуация, превращалась в нечто непринужденное и простое.

Только чтобы ты вел себя прилично, — сухо предупредил

Воронцов, уже не останавливаясь.

Александр фыркнул, и они зашагали вместе. Максим шел не к легкомысленной девице, а к таинственной незнакомке. «Что ж, посмотрим, кто кого». Игра началась.

Приближалось время встречи с Воронцовым. И чем ближе, тем сильнее я начинала нервничать. Спасал веер, который я сжимала до побелевших костяшек и обмахивалась ритмичными движениями.

— Я слышал, император может явиться на бал к княгине, — Григорий Львович подмигнул мне. — Представят тебя Николаю Павловичу.

Восемнадцатилетняя Алиса тогда очень разволновалась, а вот я... Не успела я найти слов для ответа, как к нашему маленькому кружку, словно по сигналу, направилась вся семья Фроловых. Они двигались плотной, сплоченной группой: Константин Борисович впереди, с делано-радостной улыбкой, его супруга чуть позади и Лилия. Ее светлые волосы, уложенные в сложную прическу с жемчужными нитями, мерцали в свете люстр, а стан, обтянутый голубым атласом, выдавал амбиции, куда более дерзкие, чем отцовские лавки с ситцем да пряниками. «На нее и впрямь заглядываются», — мелькнуло у меня в голове, пока я ловила завистливые взгляды барышень. А Лилия, элегантно скользя по паркету и томно обмахиваясь веером, уже, казалось, примеряла на себя титул графини — тот самый, что должен был раз и

навсегда смыть с нее въевшийся запах мещанской лавки.

Подруге повезет: она выйдет замуж за Ивана Степанова, который будет ее боготворить. Сначала, конечно, Лилия расстроится, но после — осознает свое счастье. С аристократом «повезет» мне, и зависть подруги рассорит нас, пока... не погибнет папа. Лилия первая приедет в мой дом, чтобы поддержать.

— Арсений Петрович! — раскатисто, на весь зал, приветствовал нас Фролов, протягивая отцу руку для рукопожатия. — Какая радость встретить здесь земляков! Григорий Львович, Алиса Арсеньевна.

Отец ответил на приветствие с легкой, вежливой улыбкой. Пока мужчины обменивались первыми фразами о ценах на ткани, купчиха Фролова тут же вступила в тихую, оживленную беседу с другими знакомыми дамами, стоявшими неподалеку. А Лилия, словно не замечая никого, кроме меня, подхватила меня за руку.

— Алиса, князь Воронцов сегодня здесь! — голос подруги дрожал от волнения, а губы, подкрашенные вишневой помадой, растянулись в мечтательной улыбке. — Надеюсь, что сегодня он пригласит меня на танец.

Я фыркнула, указывая веером на угловатого рыжеволосого юношу у стены. Тот, неловко теребя манжеты, не сводил с Лилии глаз, будто загипнотизированный.

— Зачем тебе высокомерный аристократ? Вот, Иван Степанов — сын владельца пароходства. Смотрит на тебя как

зачарованный.

— Фу! — скривила губы Лилия. — Рыжих не люблю. Да и пароходы воняют мазутом.

Я не смогла сдержать смешка, приглушенно рассмеявшись в раскрытый веер.

В этот момент оркестр грянул резвую музыку, и рыжеволосый Иван, будто подтолкнутый невидимой силой, зашагал к Лилии. Его кожа покрылась красными пятнами от волнения, а подруга, едва сдерживая гримасу, медленно раскрыла бальную книжечку, переплетенную в кожу с тиснеными инициалами. Ее мать метнула дочери предупреждающий взгляд, и Лилии пришлось вписать миниатюрным карандашом: «Иван Степанов».

«Бедняга... На купеческих вечерах все было бы намного проще», — подумала я, глядя, как рыжеволосый юноша, покраснев до корней волос, поблагодарил подругу.

Мысли невольно перенесли меня в отцовский дом, где балы были совсем иными. Сейчас я оценила всю их прелесть. Они начинались позже, зато длились до самого утра. Столы ломились от простой, но сытной еды: горы блинов с икрой, копченые окорока, пироги с капустой. Танцевали, не зная меры — до седьмого пота, с гиканьем и притопыванием, а если кто падал — все дружно хохотали, поднимая кружки. Да и меньше следили за этикетом.

У аристократов все строго расписано... Папа с Фроловым и Григорием Львовичем собрались отправиться за прохла-

дительными напитками. А я уже знала, что остались считанные секунды до встречи с бывшим возлюбленным.

Шаг. Еще один... вот сейчас Воронцов появится из-за колонны с долговязым молодым человеком. Наши взгляды встретятся, и мы... я потеряюсь в зеленых глазах Максима, доверчиво отдав ему сердце. После будет три танца, как того требовали приличия, а потом мы незаметно убежим в сад.

Внезапно вспыхнула жгучая боль от предательства. Зачем мне нужна эта встреча? Она ничего, кроме разочарования, не принесет. Творец вернул меня в прошлое, чтобы я спасла отца, выполнила миссию, а не мстила тому, кто предаст огню.

И тут я увидела его. Статную фигуру Максима Воронцова. Сердце не просто забилось тревожно — его будто сдавили тисками. Перед глазами на мгновение встал не этот зал, а зал суда, и холодное, безжалостное лицо Воронцова, произносящее смертный приговор. Я ждала ненависти, ждала, что старая рана вспыхнет яростью... но бывший возлюбленный выглядел... иным. Не самоуверенным прокурором, а усталым, почти отстраненным человеком, несущим на плечах невидимый груз. Это несоответствие сбilo меня с толку, и я, не в силах совладать с чувствами... отвернулась, сделав вид, что разглядываю гостей.

Воронцов и его друг прошли мимо, даже не замедлив шаг. Мне кажется, я перестала дышать. Осторожно повернувшись, я проводила взглядом широкую спину бывшего

возлюбленного и тихонько выдохнула. Я только что изменила будущее и, возможно, свою судьбу. Пусть так... Но облегчение было недолгим. Я почувствовала странную, едва уловимую вибрацию, короткую и отрывистую, от кулона. Словно артефакт «отметил» Воронцова...

— Максим Сергеевич! — Раздался зычный голос Григория Львовича, останавливая Максима.

— От судьбы не уйдешь, — прошептала я и упрямо подумала: «А я попробую!»

— Что ты там шепчешь, Алиса? — тихо засмеялась Лилия и вдруг замолкла. — Ах, к нам идет князь... а с ним граф Чернышов. У меня еще не вся книжечка заполнена. Слава Творцу!

Я ощутила его приближение кожей. Не в силах встретиться с ним взглядом, я резко отвернулась, слегка вздрагивая от его приятного низкого голоса. А сама мысленно возводила стену — камень за камнем, выше и крепче. Главное — выстоять.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.